

В. С. Иконников

Русские
общественные деятели
XVI века

DirectMEDIA

В. С. Иконников

**РУССКИЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ДЕЯТЕЛИ
XVI ВЕКА**

Репринт ное издание 1866г.

**Москва
2014**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4
И42

Иконников В. С.

И42 Русские общественные деятели XVI века /
В. С. Иконников. – М.: Директ-Медиа, 2014. –
88 с.

ISBN 978-5-4460-0289-4

Владимир Степанович Иконников (1841–1923 гг.), русский историк, автор многочисленных работ по истории идеологии и культуры России.

Будучи кандидатом на звание профессора историко-филологического факультета Киевского университета, Иконников пишет в 1866 г. исследование «Русские общественные деятели XVI века» для ежемесячного университетского журнала. В этой работе он рассматривает политическую историю страны в плане личных биографий и характеристик политических деятелей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

ISBN 978-5-4460-0289-4

© Издательство «Директ-Медиа», 2014

РУССКІЕ
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДѢЯТЕЛИ XVI ВѢКА.

Напечатано историко-филологическаго факультета

Владимира Иконникова.

КІЕВЪ.
Въ университетской типографіи.
1866.

(Изъ Университетскихъ Извѣстій 1866 года).

правленіе церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія».

Впрочемъ уже въ самой задачѣ собора исправленію этихъ нестроений придавался односторонній, пассивный характеръ, потому что ихъ думали устранить однимъ утвержденіемъ «прародительскихъ законовъ». Такъ еще и теперь думали успѣть посредствомъ одной запретительной системы, а между тѣмъ вплоть до XVI вѣка и далѣе она постоянно выказывала свою недостаточность. Постоянныя повторенія однихъ и тѣхъ же запрещеній и обличеній лучше всего свидѣтельствуетъ объ этомъ. Созваніемъ собора заявлялась потребность реформы, а недостатки общества, выставленные на видъ соборомъ, были такого характера, что ясно показывали всю недостаточность прежней системы, и въ то же время требовали существенныхъ мѣръ. Старая система оказалась гнилою; новыя мѣры требовали и новыхъ людей. Картина общества, начертанная соборомъ, показываетъ, что его вожатые были плохи, а мѣры, предпріятыя соборомъ, свидѣлствуютъ, что его представители были не способны исправить дѣло.

Для лицъ, которыя брались вести общественную реформу, предстоило два пути: выставить наружу недостатки, назвать ихъ настоящими вменемъ и наложить запрещеніе на будущее время, или серьезно подумать о дѣлѣ и оцѣнить прежнюю систему, насколько она имѣетъ въ себѣ задатковъ жизни. Реформаторы Стоглаваго собора выбрали первый путь, потому что сами принадлежали къ старой системѣ и не желали выпустить общественную опеку изъ своихъ рукъ. Но они же сами и оставили намъ печальныя свидѣтельства о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привело ихъ одностороннее направленіе. Стоглавъ—это обличеніе несостоятельности цивилизаціи древней Руси и вмѣстѣ съ Домостроемъ крайній ея выводъ.

Стоглавъ по преимуществу имѣетъ дѣло съ обществомъ и въ особенности захватываетъ его религіозную сторону, какъ самый существенный элементъ древне-русской цивилизаціи; Домострой рисуетъ идеальную картину семейной жизни, тоже по старинѣ, не дѣлая поруки ни старымъ мнѣніямъ, ни старымъ обычаямъ. И Стоглавъ, и Домострой ожидали блага исключительно отъ закрѣпленія стараго; если общественныя подпорки разшатались, то ихъ, по взгляду того и другаго, слѣдовало только утвердить покрѣпче—и вѣка ихъ не сдвинуть!

Принципы этихъ памятниконъ, посредствомъ которыхъ хо-

тѣмъ дѣйствовать на общество ихъ творцы,—въ сущности одинаковы. Но прежде посмотримъ, насколько были проникательны въ своеѣ дѣлѣ дѣятели Стоглава, взявшіе на себя инициативу исправленія общества. Ясно, что они видѣли зю, но много значить и то, какими глазами и съ какой стороны они взглянули на него.

Плохія времена наступили: соблазнъ учинился міру, такъ что иноземцы только дивятся (Стоглавъ, вопросы 10 и 14), тѣ иностранцы, которыхъ русскіе всегда считали погаными и порябиными, съ которыми блюстители древне-русской чистоты запрещали даже ѣсть, пить, бесѣдовать..., сообщеніе съ которыми считалось даже грѣхомъ. И теперь на этихъ иноземцевъ указываютъ во всеуслышаніе, какъ на лучшихъ отличителей національнаго зла.—Было надъ чѣмъ призадуматься....

Религіозная жизнь, въ которой постоянно вращался древне-русскій людъ, далеко отступила отъ идеаловъ, построенныхъ Антоніемъ, Феодосіемъ, Нилемъ Сорскимъ. Ходъ дѣлъ и ее втянуть въ общій водоворотъ лавины. «Свѣтъ монастырскаго житія, — это подобіе, какъ говорилъ тогда, ангельскаго житія на землѣ, (слова Вассіана Косаго, Чтен. Моск. общ. вст. 1859, № III, с. 1)—померкъ». Лучшіе его представители—Артемій, Феодоритъ Кольскій, Паисій Ярославовъ, встрѣтили противоѣдствіе братія потому только, что требовали отъ нея исполненія долга. (Сказанія Курбскаго, изд. 2-е, 134, 132). Отречься отъ сребролюбія и слоистолюбія обудла монашество. (Стоглавъ, по изд. Кожанчикова, стр. 169).

Нѣкоторые, говорили на соборѣ, теперь стригутся ради покаяннѣснаго, чтобы всегда бранничать и ѣздить по селамъ для прохлады. Чернцы и черницы по міру волочатся и живутъ въ міру, не зная даже чѣмъ такое монастырь. Старецъ поставитъ въ лѣсу какою или церковь срубить, да и идеть по міру съ иконою просить на сооруженіе, а у царя земли и руги просить, а что собралъ — то проишетъ, такъ что людямъ только соблазнъ. Чернцы и черницы, мужики и бабы, настроенные разными снами и видѣніями, скитаются по городамъ и дворамъ и объявляютъ свои пророчества, собирая деньги подъ предлогомъ сооруженія церкви или искупленія отъ долговъ; а по рынкамъ ходятъ съ образами безчинно, такъ что иноземцы и иновѣрцы дивятся, а въ православныхъ возбуждаютъ подозрѣніе. Нѣкоторые иноки не могутъ свосить монастырскаго устава и наказанія и, позабывъ свои обѣты, шныряютъ по городамъ и селамъ, ядоуѣданъ царю и благочестивымъ людямъ;

они своимъ поведеніемъ только вводятъ въ соблазнъ и смущеніе многихъ православныхъ. Если у насъ есть въ обителяхъ напитки, то мы не можемъ воздержаться отъ пьянства; мы не хотимъ и слышать о томъ, чтобы пить только по одной, по двѣ или по три чаши, и то извѣстной мѣры; наша мѣра — напиться на-позавъ, такъ чтобы и себя не помнить, до блевоты. Таковъ ужъ обычай! Въ монастыряхъ живутъ черницы и черняцы вмѣстѣ, а по кельямъ въ иныхъ мѣстахъ жонки и дѣвки небрежно приходятъ, и онѣ по сговору съ судьями на чернецахъ и на попахъ ищутъ срамоты. И ребята молодые, голоусые, живутъ по всѣмъ велямъ невообразно, и ѣздить съ чернецами по селамъ и по міру безъ всякаго зазрѣнія. Даже въ баню мужи и жены, иноки и черницы ходятъ, не стыдятся, вмѣстѣ. А архимандриты и игумены добиваются сановъ деньгами, лишь-бы получить власть; службы же церковной и монастыря они даже не знаютъ и покоить себя въ кельѣ съ гостями: да племянниковъ своихъ содержать въ монастырѣ и удовлетворяютъ ихъ всѣмъ монастырскимъ, а монастыри опустошаютъ и владичиновъ изгоняютъ, такъ что братія обдѣла, страдаетъ голодомъ и жаждою и томится всякими нуждами; потому что все богатство перешло въ властанъ, а онѣ его истощили вмѣстѣ съ своими родственниками и друзьями. Между тѣмъ своимъ же крестьянамъ епископы и монастыря, въ случаѣ нужды, отдаютъ деньги и хлѣбъ не иначе какъ въ ростъ, и отъ такой тягости села пустѣютъ.... (стр. 44, 45, 47, 49, 137, 166—169, 176, 222, 228, 245, 248) 1).

И пастыри, и овцы вмѣстѣ заблудились. Попы и церковные причетники въ церкви бываютъ всегда пьяны, и тогда всякія неподобныя рѣчи исходятъ изъ устъ ихъ, а подъ-часъ и бьются въ церкви, а міряне, смотря на ихъ безчynie, дѣлаютъ то же, все равно, какъ на торжищахъ и играхъ, или на пиру и въ корчмахъ: «лаются безъ стыда всегда и всякими укоризнами неподобными, скаредными и богомерзкими рѣчами» 2). А вотъ еще учинилось великое зло: нѣкоторые, многимъ лю-

1) Максимъ Грекъ свидѣтельствуетъ, что въ случаѣ неуплаты долга монастырскими крестьянами, ихъ духовные владѣльцы отнимали у нихъ все и подвергали еще истязаніямъ.

2) Князь Вассіанъ о монахахъ-кнрионахъ говоритъ: «какъ воли ревнутъ другъ передъ другомъ, ногами пинаютъ, руками трясутъ и головами биваютъ, испуская гласы подобно бѣснующимся.» Разсуж. Вассіана. Чтен. Моск. общ. 1859, III, 15.

дамъ на смятеніе и на соблазнъ и погибель, скверное беззаконіе творять — содомскую пагубу, за что отъ множества народа и отъ ино-
вѣрныхъ бываетъ поношеніе и укоризна вѣрѣ. На Ивановъ день и въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія сходятся мужи, и жены, и дѣвѣны на бѣсовскія пѣсни и плясаніе: тогда бываетъ отрокамъ оскверненіе и дѣвкамъ растлѣніе, а которые тяжутся—на полѣ бьются (на поединкахъ) и кровь проливають, и въ то время волхвы и чародѣи помогаютъ имъ волхвованіемъ. Просвирицы, подобно чудскимъ арбуямъ, надъ просвирами приговариваютъ—и тѣ просвиры попу даютъ. У иныхъ дѣти рождаются въ сорочкахъ — и тѣ сорочья приносятъ къ попамъ и велѣтъ ихъ кзастъ на престолѣ до шести недѣль; а на освященіе церкви міране приносятъ мыло и велѣтъ его также попамъ держать на престолѣ шесть недѣль. Въ великій четвергъ назарѣ солему палѣтъ и кличутъ мертвыхъ, а нѣкоторые неразумные поны тогда соль подъ престолѣ кладутъ и держать ее до седьмага четверга по великому дню, и ту соль раздають на врачеваніе людямъ и скоту. Да по погостамъ и по селамъ ходятъ живые пророки—мужики, жонки, дѣвѣны и старыя бабы—вагіе и босне, волосы отростивъ и распустя; трясутся и убиваются, и говорятъ, что имъ являються свѣтыя Пятница и Настасія—и заповѣдываютъ въ среду и пятницу ручной работы не дѣлать, а женщинамъ — не прѣсть и плѣтъ не мыть и камня не разжигать, а иные еще заповѣдываютъ богомерзкія дѣла творить.... (стр. 51, 52, 53, 99, 128, 129, 136, 138, 141, 142).

Эта темная картина общественной жизни становилась еще мрачнѣе отъ полной безпомощности страдавшихъ физическими недугами и бездомныхъ ватагъ, любившихъ жить на чужой счетъ. На соборѣ жаловались, что «дѣти боярскіе, и люди боярскіе, и всіе бранники вернью играютъ и пропиваются, службы не служатъ, на промышленютъ, и отъ нихъ всякое зло чинится, крадутъ и разбиваютъ, и души губятъ».... (стр. 226, 137).

Въ этой картинѣ предъ нами стоятъ лицомъ къ лицу и возматые шестивѣковой цивилизаціи Руси, и ея питомцы. Къ чему привела односторонность системы этихъ руководителей—объ этомъ говорить самая жизнь, описанная Стоглавымъ. Нѣсколько вѣковъ назадъ одинъ обличитель, желая предохранить русскую національность отъ нравовъ плетворнаго запада, совѣтовалъ своимъ современникамъ не браться и не знакомиться съ иноземцами, потому что на западѣ «то творять, чего

и жидова не творить». (Слово Θεοδοσία о вѣрѣ крестьянской и латынской, въ Учед. Запис. Имп. Ак. наукъ, по II отд. кн. II, вып. 2). А между тѣмъ на Стоглавомъ соборѣ, члены его сознавались, что «въ инобѣрцахъ таково безчестіе не творится, какъ у насъ» (стр. 53); даже божіе—сами иноземцы дивились тому, что творилось. Это публичное признаніе должно было обходиться слишкомъ дорого при томъ отвращеніи къ иностранцамъ, о которомъ такъ рѣзко заявляютъ Герберштейнъ, Флетчеръ, Беръ, Карлейль, Оларіи, Котошихинъ... Такое признаніе могло произойти только послѣ добросовѣстной оцѣнки грубой дѣйствительности, потому что, не смотря на то, что она была въ глаза, по словамъ Стоглава, даже многими изъ своихъ, прежнее отвращеніе отъ всего чужаго и національная самоименитость въ собственныхъ достоинствахъ продолжали существовать. За Стоглавомъ остается его историческое достоинство. потому что онъ не скрылъ подъ риторическими фразами общественнаго зла, такъ часто закрываемаго у предшущихъ обвинителей одними воззваніями къ покаянію и угрозами адскихъ мукъ. Но этимъ и ограничивается его заслуга, потому что онъ не пошелъ дабы своихъ предшественниковъ на дѣль. Да онъ и не имѣлъ этого въ виду. Охраненіе національной чистоты отъ всякой посторонней примѣси было ихъ постоянною цѣлью; отцы Стоглаваго собора требовали только осуществленія того же идеала. Жить по преданіямъ отцовъ—вотъ девизъ ихъ стремленій въ общественной реформѣ.

Мало того, дѣятели Стоглаваго собора отрицательно отнеслись даже къ внѣшнимъ уклоненіямъ отъ прародительскихъ обычаевъ. «Въ каждой странѣ, говорили они по поводу одного запрещенія, есть свой законъ и свой обычай, и не переходятъ они изъ одной страны въ другую, но каждый держитъ законъ своего обычая; мы же православные, принявъ истинный законъ отъ Бога, усвоили беззаконія разныхъ странъ и осквернились ими. За то и казня всякія приходятъ на насъ отъ Бога» (стр. 123). И такое мнѣніе было только отголоскомъ издавна установившагося взгляда на жизнь въ средѣ разныхъ княжениковъ и *чужбѣ* передававшихъ свою мудрость, какъ заветную и непоколебимую истину, по наслѣдству. Современные Стоглавому собору «разумные люди» говорили съ полною убѣдительностію, что «та земля не долго стоитъ, которая переставляетъ свои обычаи»: а другіе мудрецы, вѣря въ ихъ неогрѣшимость, задумывались уже надъ участію

Россіи, потому что вырались разныя новизны, пугавшія ихъ разстроенное воображеніе (Ак. Экспед. I, № 172). Отцы Стоглава стояли не выше сыновъ своего вѣка.

И такъ, къ какому заключенію приводятъ свидѣтельства Стоглава о современномъ ему состояніи русскаго общества? Они указываютъ: 1) полное растлвие нравовъ въ средѣ обоехъ половъ, доведенное до неестественныхъ пороковъ; 2) господство старыхъ языческихъ суевѣрій рядомъ съ новыми, установившимися подъ религіозною формою, благодаря разнымъ странствующимъ шарлатанамъ и обманщикамъ, пользующимся довѣріемъ толпы, которую они всегда умѣютъ искусно мистифицировать, а сами, предавныя только лѣни, живутъ на чужой счетъ; 3) они указываютъ, что разложеніе нравовъ коснулось и идеала древнерусскаго общества—монастыря, и представителей существенной стороны древне-русской жизни—стороны религіозной—духовенства; наконецъ 4) что жизнь низшихъ, народа, подручныхъ, приносилась въ жертву высшимъ, властямъ—будетъ-ли то духовный владыка или смѣль боярский: они заботились только о собственныхъ удобствахъ и выгодахъ, забывая и свой долгъ и болѣе соответствующее назначеніе. А простая чадь, забитая, лишенная самыхъ насущныхъ потребностей, должна была идти промышлять на большую дорогу, предводимая тѣми же дѣтми боярскими, боярскими людьми и всякими бражниками.... 1).

Правда, указанія Стоглава оффиціальны, а потому слишкомъ общи, чтобы составить себѣ полное понятіе о положеніи тогдашнихъ дѣлъ; но съ другой стороны они потому и получаютъ для насъ двойное значеніе, что они оффиціальны. Мы не старались здѣсь дополнять свидѣтельства Стоглава другими извѣстіями, чтобы предоставить самимъ представителямъ Земли высказать слово правды, и сдѣлаемъ это ниже, когда будемъ говорить о томъ социальномъ алѣ, которое дѣйствительно губило народъ. По нашему мнѣнію, Стоглавъ односторонне взглянулъ на тѣ общественныя явленія, которыхъ не хотѣлъ все-таки скрыть отъ суда современниковъ.

Дѣятели Стоглаваго собора видѣли въ нихъ только пороки, а не социальное зло. и потому думали парализировать ихъ одними запреще-

1) Этотъ контрастъ между высшимъ обществомъ, пользовавшимся удобствами жизни, и подручными, лишенными всего, мы представили въ соч. «Максимъ Грекъ» гл. IX и X.

ніями, вгрозами и наказаніями. За тѣмъ попеченіе о благосостояніи общества было возложено на духовныхъ отцовъ, которые обязаны были — духовныхъ дѣтей своихъ поучать и наказывать прилежно... чтобы они жили въ чистотѣ, и въ покаяніи. и въ прочихъ добродѣтеляхъ. Такимъ образомъ даже ходъ дѣлъ сохранялся въ прежнемъ порядкѣ (стр. 113). Для большаго же успѣха была устроена какъ-бы надзирающая іерархія, изъ протопоповъ, которая должна была уже слѣдить за самими наставниками, потому что и соборъ самъ чувствовалъ какъ мало можно полагаться на нихъ: такъ какъ тѣ, по его словамъ, которые должны были бы предохранять мірянъ отъ всякаго зла, сами находились во всякомъ безчистіи (стр. 48, 98). Недостатокъ наставниковъ ощущался ясно (Слово о сѣбѣхъ ношнихъ, въ Памятн. Старин. Русск. Литер. извлеч. Костомаровымъ, IV, стр. 215), а между тѣмъ, не измѣняя положенія дѣлъ, хотѣли вручить наставничество прежнимъ духовнымъ отцамъ. Такимъ казеннымъ образомъ поступали дѣятели Стоглаваго собора! Это значило лечить болѣзнь домашними средствами и тогда, когда неудовлетворительность ихъ была доказана вѣковымъ опытомъ. Отцы Стоглава думали, что зло само собою уляжется, когда виновные прольютъ источники слезъ покаянія и стануть точно выполнять церковные обряды и строго повиноваться духовной власти, полагая конечно, что для этого достаточно одного смаренія. Они смотрѣли на общественныя бѣдствія, какъ на слѣдствія грѣховъ, отъ которыхъ можно откаяться и отомолиться; а потому искали причинъ этихъ бѣдствій даже въ ношеніи тафій, въ бритьѣ бородъ и стриженіи усовъ, потому что это было нарушеніемъ преданія отцовъ, а слѣдовательно ересь (стр. 122—127). Однимъ словомъ, все возводилось къ одной общей причинѣ — къ нарушенію отчепреданнаго житія. Вотъ почему дѣятели Стоглаваго собора, взявши на себя инициативу общественной реформы, вдалились въ формальную сторону обрядовыхъ вопросовъ и посвятили такъ много мѣста разнымъ разсужденіямъ въ родѣ указа о звону, о царскихъ дверехъ, о заносѣ святаго алтара; и т. п. и не пошли далѣе своихъ предшественниковъ. Они видѣли зло, но не могли отнестись къ нему какъ слѣдуетъ; потому что или односторонне понимали его, или не рѣшались пожертвовать своими интересами. Такъ напр. на соборѣ былъ задѣтъ довольно щекотливый для духовенства вопросъ о церковныхъ имуществѣхъ — и вотъ его порѣшили самымъ положительнымъ аргументомъ, съ которымъ тогда нельзя было никакъ тягаться: сказано

было, что если кто обидит церковныя стажація, тотъ «да не узритъ милости святыя Троицы, егда предстанеть страшному судилищу, да отпадетъ христіанскія части, яко же Іуда отъ дванадесатаго числа апостольскаго, и да прїиметь клятву (проклатіе) отъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отецъ» (стр. 194). А когда, для выкупа плѣнныхъ, положено было собирать деньги съ сохъ и митроп. Іоасафъ (жившій на покой въ Троицкой лаврѣ) присовѣтовать избавить крестьянъ отъ лишней тягости, а лучше брать на это доброе дѣло деньги у монастырей и епископовъ, — то его мнѣніе было отвергнуто. Между тѣмъ это были именно тѣ вопросы, которые относились къ «земскому строенію».

Но какъ не годились въ дѣло мѣры, предпринятыя соборомъ, такъ не годились и люди, посредствомъ которыхъ онъ хотѣлъ вліять на исправленіе общества. Жалобы на нихъ подымались и прежде: строгонники укоряли святителей и поповъ за ихъ жизнь, называя ихъ «человѣкоудцами и винопитцами, друзьями мытарей и грѣшниковъ» (Ак. Истор. I, № 6). Когда митроп. Феодосій вздумалъ собирать поповъ для наставленій, желая улучшить нравственное положеніе клира, то встрѣтилъ въ средѣ его такое противодѣйствіе, что долженъ былъ оставить свою митрополию (Полн. Собр. рус. лѣт. VI, 186; между прочимъ онъ строго наказывалъ поповъ и діаконовъ за наложницъ); а Новгородскій архіеписк. Геннадій не могъ даже готовящихся въ священники научить самымъ необходимымъ требованіямъ въ церковномъ обиходѣ, потому что сейчасъ разбѣгались (Ак. Ист. I, стр. 147). «Они круглые невѣжды, говорить о монахъ Флетчеръ, и это неудивительно, потому что епископы, которые ихъ назначаютъ, не знаютъ ничего, даже священнаго писанія, которымъ они ограничиваются на столько, чтобы читать и пѣть въ служеніи» (*La Russie au XVI siècle par Giles Fletcher, trad. par Charles du Bauzet, II, 91*). «Они не имѣютъ ни обыкновенія, ни способности, чтобы говорить проповѣди и наставлять свою паству, потому что весь клиръ погруженъ въ глубокое невѣжество, какъ въ отношеніи слова Божія, такъ и въ отношеніи наукъ» (стр. 89). И иностранные писатели постоянно замѣчаютъ, что въ русскихъ церквахъ не проповѣдывали (Іовій, стр. 43; Герберштейнъ *Reg. Moscov. Comment. pag. 42*; Маржереть, 260; Олеарій, кн. III. гл. 23). А вотъ образчикъ современнаго Стоглавому собору монашества. «Разговаривая однажды, говорить Флетчеръ, въ Вологдѣ съ однимъ монахомъ, я ему предло-

жилъ, чтобы испытать его познанія. Новый Заветъ на русскомъ языкѣ и указывалъ ему на первую главу Евангелія Св. Матвея. Онъ сталъ читать очень бѣгло. Тогда я его спросилъ: какую часть свещ. писанія прочелъ онъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ, что не можетъ сказать точно.—Сколько же Евангелій въ Новомъ Заветѣ?—Онъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ ничего не знаетъ.—А сколько апостоловъ?—и онъ даже заподозрилъ, что ихъ было двѣнадцать.—Какъ же можетъ онъ спастись, спросилъ я? На это онъ мнѣ отвѣчалъ однимъ доводомъ изъ русской теологій, говоря, что онъ не знаетъ—будетъ-ли онъ спасенъ, или нѣтъ; если Богъ захочетъ его *пожаловать* за оказываемое почтеніе, то конечно онъ будетъ въ восторгѣ; но въ противномъ случаѣ, какое остается средство? прибавилъ онъ.—Наконецъ я его спросилъ: почему онъ сдѣлался монахомъ? и онъ мнѣ отвѣтилъ: для того чтобы ѣсть спокойно... Таковы, заключаетъ Флетчеръ, познанія русскихъ монаховъ. И хотя не слѣдуетъ судить только по этому примѣру, но по крайней мѣрѣ, по невѣжеству этого человека, можно заключить о томъ, что знаютъ другіе. (La Russie au XVI siècle. II, p. 98, 99). И такое заключеніе не будетъ крайнимъ, если вспомнить, что и между членами Стоглаваго собора были недоучки. Такъ, намъ извѣстно, что епископъ Тверской и Кашияскій—Авакуій—мало былъ наученъ грамотѣ. (Описан. рукоп. Синодальн. библ. II, стр. 580).

Нельзя сказать чтобы члены собора не видѣли такого важнаго недостатка, который, прежде всякихъ другихъ причинъ, подрывалъ илѣ же собственныя распоряженія. На соборѣ было заявлено, что лица, ищущія священства, «мало грамотѣ умѣютъ», да и то учатся у своихъ отцовъ и мастеровъ, потому что учиться негдѣ, а отцы ихъ и мастера также мало умѣютъ, потому что нѣтъ училищъ (Стоглавъ, гл. 25). Самымъ виднымъ результатомъ этого обстоятельства было то, что въ половинѣ XVI вѣка «мало книгъ оказалось годными въ употребленію, остальные же всѣ были испорчены переписчиками» (Обзоръ духов. литер. 140), что было извѣстно и отцамъ собора (гл. 27, 28). А потому они и сдѣлали распоряженіе относительно заведенія училищъ. На соборѣ было постановлено, чтобы въ Москвѣ и другихъ городахъ священники и діаконы избрали изъ среды себя «женатыхъ и благочестивыхъ, которые могли бы и другихъ поучать, а также чтобы они были искусны въ чтеніи, писаніи и пѣніи; и у нихъ въ домахъ открыли бы училища, куда отдавали бы своихъ дѣтей священники, діаконы и

міряне на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія- (гл. 26). То же было потомъ повторено и въ наказной грамотѣ митроп. Манарія, разосланной для исполненія (Прав. Соб. 1863 г. янв.).

По взгляду Стоглаваго собора, эти училища должны были быть не только учебными заведеніями, но и воспитательными. Духовнымъ наставникамъ, у которыхъ предполагалось устроить ихъ, было наказано, чтобы они -наиболѣе учениковъ своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ, и сохраняли бы ихъ отъ всякаго плотскаго растлѣнія, а въ особенности отъ содомскаго грѣха и рукоблудія- (гл. 26).

Но чѣмъ же гарантировалъ соборъ существованіе этихъ школъ?—ничѣмъ. Все было предоставлено доброй волѣ духовныхъ отцовъ. Но, если эти отцы бѣжали отъ наставничества Θεодосія и Геннадія, то чѣмъ ручался за то, что они будутъ благодушествовать передъ постановленіями Стоглаваго собора. Такъ и случилось. Іоаннъ Кобенцель, посѣтившій Россію въ 1576 году, замѣтилъ, что «во всей Московіи нѣтъ школъ» (Письмо Іоанна Кобенцеля о Московіи, въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1842, сентаб. 136); а двадцать пять лѣтъ спустя послѣ него Маржеретъ писалъ, что Москвитяне «не знаютъ школъ... и таково невѣжество народа, что не найдется и третья, которая знала бы Отче нашъ и Вѣрую» (Записки Маржерета, стр. 260); а въѣдъ религіозности составляла главную сторону древне-русской жизни. Да и что можно было ожидать отъ тѣхъ духовныхъ отцовъ, которые, по общему свѣдѣтельству непрекаемыхъ авторитетовъ, «смотрѣли только во взятію» (слова митроп. Кипріяна, Истор. русск. литер. Шевырева, III, 179) и добивались мѣстъ на «льготу тѣлу своему», потому что «не хотѣли дѣлать рукодѣлія» (Полн. Собр. рус. лѣт. VI, 186). Такъ враспояжанія Стоглава разбивались съ одной стороны о полное равнодушіе къ дѣлу руководителей общества, съ другой—о несостоятельность самыхъ мѣръ, посредствомъ которыхъ члены собора думали дѣйствовать на общество.

И оно осталось прежнимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ—для этого стоитъ только заглянуть впередъ на нѣсколько поколѣвій. И отцы, и дѣти сохраняли прежнія роли. Около 1575 г. Іоаннъ Грозный, главный дѣлатель Стоглаваго собора, собравъ высшихъ духовныхъ лицъ, говорилъ имъ: «Вы ведете жизнь самую дурную, утопаете въ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ, позволяете себѣ ужаснѣйшіе грѣхи, вымогательства, взяточничество и непомѣрные росты. Ваша жизнь изобилуетъ

кровавыми и вопіющими грѣхами: грабительствомъ, обжорствомъ, праздностію, содомскими грѣхомъ, вы хуже, гораздо хуже скотовъ. Ваши молитвы не могутъ быть полезны ни мнѣ, ни моему народу. Много мы должны отвѣчать предъ Богомъ за то, что многихъ, болѣе достойныхъ, попустили умереть вмѣсто васъ-.... (Горсей, о Московіи). Маржеретъ говоритъ: «Всѣ, безъ различія, мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки, заражены порокомъ пьянства, самаго неумѣреннаго. Духовенство не уступаетъ мірянамъ, если еще не превосходитъ ихъ» (Записки Маржер. 253). «Духовныя лица, замѣчаетъ Олеарій, не хотятъ освободиться отъ этого порока. Попа и монаха можно такъ же часто встрѣтить пьянымъ, какъ мірянина и крестьянина... Они до того пьютъ, что отъ пьяной мірской братіи ничѣмъ не отличаются, кромѣ платья» (Путеш. Олеаріа, кн. III, гл. 4, по нѣмец. издан., и еще гл. 30) 1). И въ XVII вѣкѣ, точно такъ же какъ и въ XVI, сами представители церкви обвиняютъ, что «игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы хмѣльнымъ питьемъ до пьянства унываются, о церкви и о дѣтихъ своихъ духовныхъ не радѣютъ, и всякое безачіе во всякихъ подахъ чинится»; и въ XVII в., какъ и въ XVI, записываютъ «чтобы игумены, черные и бѣлые попы и дьяконы, и старцы и черницы на кабаки пить не ходили, и въ мірѣ до великаго пьянства не унывались, и пьяные по улицамъ не валялись бы». Мало того, настоятели монастырей не въ состояніи были справиться съ братією и потому обращались за содѣйствіемъ къ правительству (Ак. Истор. IV, № 62; Ак. Арх. Экспед. IV, №№ 37, 188, 322, 325, 328).

1) Вотъ какія сцены приходилось видѣть иностранцамъ: Als wir, пишетъ Олеарій, in der anderen Gesandtschaft durch gross Naugard reisten, sahe ich einen Priester nur im Kaslan oder Nieder Kleide (hatte ohne zweifel seinen Rock in der Kaback versetzt) auff der Gassen taumeln. Als dieser gegen meine Herberge kahn, wolte er ihrem Gebrauch nach die Strelitzen, so daselbst Wache hielten, segnen; indem er aber die Hand ausstrecket, und sich etwas neigen wil, wird ihm der Kopff zu schwer, und fällt in der Koth. Da die Strelitzen ihn wider aufgeholffen, segnete er sie gleichwol mit dreckichten Fingern. *Weil solche Schauspiel täglich für Augen, machet niemand unter den Russen gross Wunder darvon.* Немного выше Олеарій рассказываетъ, что однажды въ Новгородѣ, во время стеченія народа на богомолье, пьяная баба, выйдя изъ кабака, упала на улицѣ въ неприличномъ положеніи. Въ это время проходилъ пьяный мужикъ и, увидя ее полунагую, бросился на нее, но упалъ безъ чувствъ, потому что уже сильно былъ пьянъ. Эта пара до- ставила молодежи случай потѣшиться (кн. III, гл. 4).

Но нравственное разслабленіе общества шло еще глубже. Стоглавый соборъ во всеуслышаніе жаловался на оскверненіе отроковъ и разслабленіе дѣвицъ; однако, что далѣе, то свидѣтельства о нравственной испорченности общества встѣчаются все чаще и рѣзче. Флетчеръ говоритъ: «Я не стану распространяться о распутствѣ русскихъ; оно очень гнусно, да и не слѣдуетъ всего называть. Вся страна утопаетъ въ этомъ пороѣ. И не должно удивляться этому; потому что нѣтъ никакого закона, который удерживать бы отъ проституціи, прелюбодѣйства и т. п.» (*La Russie au XVI siècle*, II, 176). За тѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ извѣстій о содоміи, часто самой грубой формы (Горсей, Записки о Москвитинѣ; Записки Маржерета, 313; Вагъ, въ подлин. стр. 82; и издан. Устрал. I, примѣч. 78; Pactreius, 345; особенно Шаумъ: *Tragoedia Demetrio Moscovitica*, въ Чтен. Моск. общ. ист. и древ. 1847 г. № III, стр. 3; Олсарій, кн. III, гл. 4) 1). «Въ Россіи, замѣчаетъ Крижанить, этотъ гнусный пороѣ считаютъ шуткою. Публично, въ шутивыхъ разговорахъ, одинъ хвастаетъ грѣхомъ, яной упрекаетъ другаго, третій приглашаетъ къ грѣху. Недостаетъ только, чтобы при всемъ народѣ совершали преступленіе» (Русск. госуд. въ полов. XVII вѣка). Даже болѣе: «этотъ пороѣ сталъ обыкновеніемъ, баснею за столомъ, препровожденіемъ времени и достояннымъ рыцарствомъ» (Шаумъ, стр. 3).

Стоглавый соборъ вопіялъ противъ нарушенія общественной безопасности, но отъ этого не стало лучше.... «Страна, говоритъ Флетчеръ, наполнена грабежами и убійствами. Жизнь человѣческая ставится ни во что. Вы можете видѣть, какъ грабятъ челоѣка, запоздаваго въ городѣ, на улицѣ, и никто не отвѣтитъ на его крики и не переступитъ порога, чтобы помочь ему. Я не буду говорить объ этихъ странныхъ убійствахъ, о жестокостяхъ, которыя совершаются въ Россіи; съ трудомъ въришь, что подобныя вещи могутъ совершаться между людьми, и особенно между людьми, которые называютъ себя христіанами» (*La Russie au XVI siècle*, II, 175). А въ XVII вѣкѣ раздается голосъ,

1) Напр. Шаумъ говоритъ: «нѣкоторые оскверняютъ себя кровосмѣшеніемъ, а что всего отвратительнѣе—скотскимъ соитіемъ». Олсарій: «Sie (Русскіе) sind den fleischlichen Lüsten und Unzucht also ergeben, dasz auch eiliche mit dem abscheulichen Laster, so wir Sodamiterey nennen, sich zu beschmutzen, und nicht alleine pueros muliebria pati asvelos sondern auch Männer und Pferde darzu gebrauchen. Welches ihnen hernach in ihrem Gelagen eine Materie ihres Discourses geben muss».

обличающей, что злоба еще умножалась въ людяхъ, преусилу лукавство, волхвованіе, чародѣйство, разбой, воровство, убійство, пьянство, вѣтѣныя игрища, грабежи, хищенія и тому подобное (Ист. Россіи Соловьева, XIII. 192). И въ этихъ фактахъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Котошихинъ передаетъ слѣдующій частный, но любопытный фактъ, свидѣтельствующій о народной нравственности того времени: «На погребеніи царствующихъ особъ, говорить онъ, обыкновенно бываетъ множество народа—московскихъ жителей и пріѣзжихъ; но такъ какъ погребеніе происходитъ ночью, то горе бываетъ имъ, потому что московскихъ людей натура небогобоязливая: съ мужичиъ и женщичиъ по улицамъ грабать платье и убиваютъ до смерти; я бываетъ въ тотъ день убитыхъ и зарѣзанныхъ болѣе ста человекъ» (О Россіи, стр. 17). Современнo же этому какой-то блюститель нравственности написать подметное письмо къ Алексѣю Михайловичу, желая «тайное великое государево дѣло донести до самого государя», въ которомъ жалуется на страшное безчестіе, происходившее среди самой Москвы. Изъ этого письма видно, что люди, служившіе на дворѣ Земскаго приказа, составляли шайку воровъ и разбойниковъ, «чинили многое душегубство и смертное убійство и чинили безъ всякаго опасенія, потому что начальные люди Земскаго приказа ихъ воровство укрывали и нарядчики съ ними за одно воровали»; а когда доводили объ этомъ до свѣдѣнія, то «отъ неправедныхъ розысковъ только понапрасну многая кровь проливалась». Такихъ молодцовъ, грабившихъ среди бѣлаго дня, на одномъ Земскомъ дворѣ было болѣе тысячи. Кромѣ того, они же держали у себя молодыхъ ребятъ и чинили съ ними содомскій грѣхъ и многое беззаконіе (Записки Отдѣл. Русск. Словес. и Археол. Импер. русск. археол. общ. II, 682—684). А если было такъ въ центрѣ Москвы, то что же могло совершаться въ бакихъ нибудь захолустяхъ?

Надъ такимъ положеніемъ дѣлъ задумывались немногіе русскіе, задумывались и иностранцы. И съ укоромъ обращались они къ руководителямъ этого изношеннаго общества. «Теперь, говоритъ Олеарій, нѣкто не указываетъ истиннаго пути заблуждающемуся, никто не подумаетъ о томъ, чтобы умною, исполненною здраваго смысла, рѣчью подѣйствовать на совѣсть народа. А между тѣмъ число преступленій и пороковъ нарастаетъ съ каждымъ годомъ. Только одинъ развѣ палачъ налагаетъ на спины русскихъ, за совершенное ими преступленіе, скоропреходящее наказаніе» (вн. III. гл. 23). На Стоглавомъ соборѣ всю

надежду полагали на духовныхъ отцовъ, но въ XVII вѣкѣ ихъ уже считали главными виновниками общественнаго зла и неспособными вести дѣло. Извѣстный Симеонъ Полоцкій открыто обличалъ, что «ихъ великимъ перадѣиємъ и всконечнымъ неореженіємъ, премногіе, несмысленные люди отъ пути праваго житія заблудились и въ пропасть погубельной жизни уклонились.... Многіе невѣжды, не бывшіе никогда и нигдѣ учениками, смѣютъ называться учителями... по правдѣ это не учителя, но мучители... Виною всѣхъ золъ преимущественно неумѣные и нерадѣные духовныхъ отцовъ: не учать и не наставляютъ лѣтей своихъ духовныхъ» (Ист. Россіи Соловьева, XIII, 192).

Такъ неудачно окончилось дѣло Стоглаваго собора...

II.

Но общественная деморализація еще не исчерпываетъ всего зла тогдашней Руси. Выѣстъ съ разложениємъ общества, совершалось и разложенеіе семейства. Въ XVI вѣкѣ симптомы его приняли уже грозный видъ, и стало замѣтно, что старыя связи патриархальности порвались. До серьезныхъ размышленій тогда не было охотниковъ, и потому на признаки этого разложенеія русскіе книжники взглянули какъ на наказанія свыше. А между тѣмъ оно было естественнымъ результатомъ прошедшей жизни. Въ древней Руси не было благоприятныхъ условій для семьи: да и могла-ли она имѣть ихъ, когда уже съ самаго начала исторической жизни въ основу семьи былъ положенъ принципъ раздвоенности и вражды. Средоточіе семейной жизни—женщина—была поругана. «Всякъ возрѣвѣвъ на жену, говорится въ одномъ древнемъ памятникѣ,—собираетъ» (Погодин. Сбор. № 1288, стр. 226; Историч. Монограф. Костомарова, I, 124). Женщина въ глазахъ русскихъ стала существомъ злымъ, источникомъ зла, и потому неудивительно, что ее считали чѣмъ-то добавочнымъ, созданнымъ только для удовлетворенія чувственной природы и для отпращиванія домашнихъ нуждъ. И ея скоро заперли подъ замокъ. Да и что ей было дѣлать въ жизни, когда для нея не было равной части съ мужчиною, когда на всякомъ шагѣ ея могли оскорбить или нескромные взгляды молодежи, видѣвшей въ ней средство удовлетворенія, или презрительные укоры аскетовъ, которые видѣли въ женщинѣ одинъ соблазнъ, и потому сами бѣжали отъ нея.

И вотъ она стала рабою мужнины, рабою его желаній и требованій. Въ домѣ — она была старшею служанкою, потому что въ домашней дѣятельности она была только первою между ними; въ семейныхъ отношеніяхъ — въ ней видѣли только средство удовлетворенія, и потому старались упрятать ее подалеже отъ развратнаго общества. Хорошо еще если мужъ оставался вѣренъ своей женѣ — тогда по крайней мѣрѣ она пользовалась спокойствіемъ сердца; но что доставалось ей на долю въ противномъ случаѣ?

По установившимся понятіямъ патріархальной Руси, надъ всѣмъ домою долженъ былъ царить, какъ нѣкое божество, отецъ семейства. Имѣй чадо, говорить въ одномъ поученіи родитель сыну, — отца своего, аки Бога, мать свою, аки самъ себя (Погод. Собр. рукоп.; Очеркъ нравовъ Великорус. нар. Костомарова, 109). Въ его рукахъ заключалась и будущая судьба молодаго семейства, потому что бракъ былъ только сдѣлкою между родителями обѣихъ сторонъ, а главнымъ двигателемъ въ немъ — корыстолюбивый расчетъ на матеріальныя выгоды. Очень часто случалось, что новобрачные и не знали другъ друга до тѣхъ поръ, пока брачный уставъ позволялъ имъ вступить въ права брачной жизни: и тутъ-то часто приходилось супругу разочаровываться въ молодой женѣ и дѣлаться съ той же минуты непримиримымъ ея врагомъ. Потому что обычай теремной жизни не позволялъ молодымъ видѣться и знакомиться до назначенной поры; а между тѣмъ разныя свахи и сводницы, пользовавшіяся подачками за свое ремесло, устраивали дѣло только въ свою пользу. Отцы же болѣе всего смотрѣли того, чтобы въ брачномъ союзѣ не было оскорбленія ихъ рода. Такимъ образомъ въ этихъ сдѣлкахъ не было конца обманамъ. Если женихъ посылалъ смотрѣть свою будущую невѣсту, или самъ устраивался такъ что могъ ее видѣть, то родители, не надѣявшіеся на наружность своихъ дочерей, подставляли одну дочь вмѣсто другой, подставляли дѣвокъ, а для малорослыхъ поддѣлывали даже подставные стулья. Дѣло наконецъ улаживалось; но обманутый мужъ тогда начинать гоненіе на безобразную жену, совѣтовать ей убраться въ монастырь, а не то бить. Если же вдалось какъ нибудь выхлопотать разводъ, то несчастныя жертвы такого орака не имѣли права вступить въ новый бракъ до 7-ми лѣтъ. Иногда мужъ съ досады самъ постригался, а не то, чтобы скорѣе покончить, мужья и жены доносили другъ на друга. И эти факты не были ваками нибудь исключеніями, но случались сплошь и рядомъ.

»Благоразумный читателю, говорить Котошихинъ, не удивляйся этому: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, какъ въ Московскомъ государствѣ. (О Россіи, 129, 130; Herberstein)

Плохо приходилось женщинамъ и тогда, когда она вступала въ домъ мужа даже безупречною женою, потому что она въ его семьѣ становилась только рабою его чувствъ и грубой воли. Здѣсь надъ ея головою постоянно висѣлъ *дуракъ* — плеть, исключительно назначавшаяся для жены, и малѣйшее подозрѣніе дѣлало ее жертвою домашнихъ истязаній; а такія сцены весьма естественно не могли надолго сохранять взаимнаго расположенія между мужемъ и женою. Женщина, чаще становившаяся жертвою невольнаго брака, должна была и пріискивать разные средства, чтобы выйти изъ своего принужденнаго положенія. А въ этомъ случаѣ готовы были служить тѣ же самыя сводницы. Русскіе моралисты XVI вѣка уже жалуются на это зло, вторгнувшееся даже въ семейства высшаго класса. »Потворенныя бабы«, какъ ихъ называли тогда, »что младыя жены сваживаютъ съ чужими мужи«, обыкновенно начинали съ дворовыхъ людей, а при ихъ посредствѣ, доходили и до самыхъ »государынь.« — и горе бываетъ госпожѣ, замѣчаетъ авторъ Домостроя, если не уцѣлѣумудрится и не отженетъ ихъ« (Временникъ, I, 34, 35, 57). И Олеарій свидѣтельствуетъ, что русскимъ женщинамъ много доставалось отъ своихъ мужей за вольное обращеніе »съ правящимися мужчинами« (кн. III, гл. 7).

Эта рознь въ семействахъ самымъ пагубнымъ образомъ отражалась на молодомъ поколѣніи. По понятіямъ древне-русскихъ моралистовъ, связью между родителями и дѣтьми долженъ былъ служить только страхъ, на которомъ основывалось все воспитаніе. »Наказуй отецъ сына изъ-мала, говоритъ одно старинное поученіе; учи его пачеми бояться Бога и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если съ молода не научить—большаго какъ можно научить« (Сборн. Румянц. Муз. 359; Костомарова Очеркъ нравовъ, стр. 109). Смягчающее вліяніе матери совершенно устранилось изъ семейства, потому что она въ немъ была только включицею, обязанною прісматривать чтобы дѣти были сыты и одѣты. Лишенная всякаго содержанія семейная жизнь уже въ самой себѣ носила зародыши общественныхъ нестроений. Будущіе строители дѣлъ государства воспитывались среди дворни, голодной и оборванной, а потому всегда готовой на

разныя предпріятія; послѣ этого неудивительно, что дѣти русскіихъ сановниковъ ничѣмъ не отличались въ своихъ нравственныхъ правилахъ отъ бродягъ и воровскихъ шаекъ. Да такъ и было на дѣлѣ. Они сами вступали въ эти ватаги дворовыхъ людей и вмѣстѣ съ ними чинили грабежъ и убійства (Стоглавъ, стр. 137). Отцы же на семейныя обязанности смотрѣли съ грубо-физической стороны и потому не находили нужнымъ употреблять какія-либо средства для усовершенствованія своихъ дѣтей, кромѣ палки, которая казалась имъ болѣе надежною для домохозяйства и отеческаго почитанія. Они заботились лишь объ одномъ, чтобы ихъ дѣти не надѣяли какъ нибудь поруганія роду и не обезчестили сановитости предковъ—понятіе слишкомъ эластичное въ примѣненіи къ жизни. Русская же честь того времени выражалась сословною спѣсью. Котошихинъ говоритъ, что даже на сановниковъ нельзя положиться въ дѣлахъ государственныхъ, потому что потомъ, при удобномъ случаѣ, они готовы отпереться отъ своихъ словъ. «Россійскаго государства люди, замѣчаетъ онъ, породю свою спѣсивы и негодны ко всякому дѣлу, потому что въ государствѣ своемъ наученія добраго никакого не имѣютъ и не получаютъ, кромѣ спѣсивства, безстыдства, ненависти и неправды» (О Россіи, 42). А Олеарій говоритъ, что русскіе имѣютъ обыкновеніе клясться вездѣ—въ собраніяхъ, на рынкахъ, при продажѣ и покушкѣ товаровъ, но этимъ клятвамъ не слѣдуетъ довѣрять (кн. III, гл. 18). Такое же недоувѣріе къ чести русскихъ высказываетъ и Флетчеръ (II, 176, 177).

Ученіе дѣтей ограничивалось чисто-формальною стороною религіи—выполненіемъ обрядовъ, не научить которымъ для древне-русскаго человѣка конечно казалось погибелю; но даже обученіе грамотности не считалось нужнымъ и потому было въ совершенномъ пренебреженіи. Умѣнье читать и писать было очень рѣдкимъ; да и немногіе желали заниматься этимъ (Fletcher, I, 141; Маржеретъ, 260; Mayerberg: Relation d'un voyage en Moscovie, II, 11). И вотъ въ XVI вѣкѣ оказывается, что даже князья и бояре были безграмотны (Собр. госуд. грам. I, ММ. 184, 556). Это уже не казалось имъ безчестіемъ рода; потому что и дѣды ихъ могли быть безграмотны; да наконецъ безграмотность нисколько не мѣшала спасенію души; въ этомъ случаѣ она даже была полезна, потому что человѣкъ избѣгать гордости ума и покоряе былъ передъ старшими. А основной принципъ, на которомъ создавалось древне-русское семейство, вавлючаея въ полнѣйшемъ рабствѣ его чле-

новъ передъ волею домовладыки. Такъ-то накаплились семейные пороки въ древне-русскомъ мирѣ. Съдѣлаемые отцы строго блюли, чтобы не порушилось домоправительство, завѣщанное предками; но въ разсматриваемую нами эпоху уже оказался разладъ въ средѣ самого семейства. «Въ Москвитинѣ, замѣчаетъ одинъ иностраннѣйшій писатель, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью» (La Relig. des Moscovites. 87). Уже ничего не могли помочь — ни жалъ, назначаемый для укрощенія сына, ни замокъ — для сохраненія чистоты дочери. «Лучше, говорить русскій моралистъ, имѣть у бедра мечъ безъ вожень, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищю ходить — молоко принесетъ; дочь по селищу ходить — стыдъ принесетъ отцу своему» (Сборн. Румян. Муз. 359; Костомарова Очеркъ нравовъ, 110). Да и странно было бы, еслибы то общественное разложенье, на которое мы указали выше, не оказало вліянія на семейную среду; точно такъ же какъ и послѣдняя должна была имѣть въ этомъ разложеньи значительную долю. Въ этомъ случаѣ совершался взаимный обмѣнъ сѣтъ...

Среди такихъ-то нестроений, въ лицѣ Благовѣщенскаго попа Сильвестра, заявляется попытка закрѣпленія пошатнувшихся семейныхъ началъ. Но какъ иѣры Стоглаваго собора были только сколкою требованій предъидущихъ обличителей, такъ и правила Домостроя представляются освященіемъ вѣковой мудрости, завѣщанной предками, и нарушением самою жизнью. Домострой Сильвестра — это идеальная картина семейнаго быта по понятіямъ тогдашнихъ благочестивыхъ людей. Его правила и наставленія относятся къ семейнымъ отношеніямъ и домашнему устройству; съ этихъ двухъ сторонъ рисуется предъ нами въ твореніи Сильвестра древняя Русь, какъ-бы выставя на показъ свои язвы, которыя вдобавокъ брались врачевать разные домо-рожденные недузья, боявшіеся всякаго новаго положенія дѣла и ожидавшіе спасенія лишь отъ своихъ собственныхъ сентенцій.

По теоріи семейной жизни, начертанной отцомъ Сильвестромъ и которая была только отголоскомъ подобныхъ ему вѣнжниковъ, единственнымъ и безусловнымъ авторитетомъ въ домѣ становился отецъ семейства; а единственною и вѣрною связью въ семействѣ признавался покорный страхъ передъ его неприкосновенною личностію. Отецъ по понятіямъ Домостроя, долженъ быть какимъ-то дозорщикомъ въ семействѣ, отъ котораго нисходятъ на домоладцевъ или похвалы за

выполненіе освященных Домостроемъ обязанностей, или наказанія за уклоненіе отъ нихъ. »А увидить мужъ, говоритъ попъ Сильвестръ, что либѣдъ не въ порядкѣ у жены и у слугъ, или что не такъ сдѣлано, какъ здѣсь предписано,—то долженъ умѣть наказывать и учить жену. Если она внимаетъ правиламъ и живетъ такъ, какъ указано, тогда слѣдуетъ ее любить и жаловать. Если же жена не живетъ по тѣмъ правиламъ и наказанію и не выполняетъ ихъ и слугъ не учить,—то мужъ долженъ научать и пользоваться ее *страхомъ*. наедаятъ. А слугъ и дѣтей также, смотря по винѣ и по дѣлу, наказывать и раны возлагать на нихъ. Какъ только жена, или сынъ, или дочь окажутся не послушными и словамъ не внимаютъ и не *боятся*,—тогда плетью по-стегать, смотря по винѣ, а бить не передъ людьми. на единѣ; да при этомъ поучить и пожаловать. А по-уху и по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ, но только плетью по-стегать, съ поученіемъ, бережливо,—это и *разумно, и больно, и страшно, и здоров* Не ослабляй ударовъ надъ младенцемъ, ибо, если ты железомъ бьешь его,—не умреть, но еще здоровѣе будетъ; потому что, поражая его тѣло, ты избавляешь его душу отъ смерти. А если имѣешь дочь, то положи на ней грозу свою—я сохранюся я тѣлесную чистоту: пусть будетъ послушна и не имѣетъ своей волн, чтобы отъ неразумія не потеряла дѣвства, а не то предъ множествомъ народа осмѣютъ тебя. Изъ любви къ сыну, учаяй ему раны, чтобы потомъ порадоваться о немъ.... Не давай ему власти въ юности, но сокруши ему ребра пока растеть, потому что. ожесточившись, онъ не станетъ тебѣ повиноваться. а это причинитъ тебѣ досаду, душевную скорбь, стыдъ дому, погибель имѣнію, укоризну отъ сосѣдей, насмѣшки отъ враговъ и платежъ передъ властью».—Эта идеализация отеческаго страха въ наставленіяхъ Домостроя доходитъ до того, что отецъ представляется олицетвореніемъ самой грозы, воплощеніемъ страха: ему запрещается даже смѣяться и забавляться съ дѣтми. »Воспитай свое дѣтище, говоритъ отецъ Сильвестръ, съ пренецпемъ—п найдеши въ немъ покой и благословеніе. Не смѣйся къ нему и не играй съ нимъ, потому что, сдѣлавъ небольшое поущеніе, получивши печаль въ большемъ и только оскомины наведешь на душу свою» (Временникъ, I, 64, 21, 24).

Въ этой всеобщей дрессировкѣ домохозяцввъ, женѣ достается на долю еще болѣе печальная участь. Мало того, что Домострой признаетъ

нерушимымъ полновластіе родителей надъ дѣтми въ дѣлѣ брака и совѣтуетъ прежде всего держаться своей версты (т. е. не оскорбить рода неравнымъ бракомъ); но жена, по его правиламъ, уже низводится на степень простой работницы, съ тою только разницею, что работница можетъ до извѣстной степени располагать собою, а жена безусловно подчинена желаніямъ мужа. «А сама государыня, говоритъ Сильвестръ, отнюдь безъ дѣла не была бы, кромѣ помощи или по желанію мужа. Мужъ ли придетъ или домашняя гостя — жена должна сидѣть надъ рукодѣльемъ: за то ей честь, а мужу похвала-..... Опека мужа надъ женою простирается до того, что жена не можетъ и шагу ступить безъ его вѣдома. «А женѣ, гласитъ Домострой, тайно отъ мужа своего не ѣсть и не пить. У подругъ и у родственниковъ, тайкомъ отъ мужа, питья и ѣсты и разныхъ помянковъ не просить и самой имъ не давать, и ничего чужаго у себя безъ вѣдома мужа не держать» (Временникъ, I, 22, 52, 63).

Домострой и не предполагаетъ даже, чтобы женщина могла имѣть какіе нибудь посторонніе интересы, кромѣ тѣхъ обязанностей, какія возлагаются на домашнюю клячицу; даже болѣе — ему хотѣлось приковать жену всецѣло только къ этимъ обязанностямъ, полагая конечно, что отъ этого русскія женщины станутъ нравственнѣе, позабывъ житейскія дразги. «Жена, говорится въ поученіи Сильвестра къ сыну, не должна и часу быть безъ рукодѣлія, и съ гостями бесѣда должна идти только о рукодѣліи, домашнемъ устройствѣ и христіанскомъ житіи, чтобы не было у нихъ пересмѣшекъ и пересудовъ о комъ нибудь». Вотъ идеалъ жены по Домострою: «Прежде всего она должна имѣть страхъ Божій и тѣлесную чистоту. Вставъ отъ ложа своего и совершивъ молитву — женамъ и дѣвкамъ дѣло указать дневное всякому рукодѣлю и что работать: что варить и какіе хлѣбы печь; и сама бы она знала какъ муку сѣять и квашню замѣсить и какъ печь хлѣбы, колачи и пироги. Она должна знать во всемъ мѣру: сколько чего выходитъ изъ четверти, изъ осьмны или изъ рѣшета, и сколько остается высѣвокъ. Чтобы она сама знала какъ варить мясныя и рыбныя кушанья и всякіе пироги, блины, каши и кисели, и чтобы слугъ научила. Она должна надсматривать какъ моютъ красныя рубашки и лучшія платья, и сколько выходитъ мыла и золы, и чтобы всему счетъ знала. Всякому мастерству досмотрѣть самой: сколько нужно шелку, тафты, камки, золота и серебра, чтобы сама отгвѣсила и отгвѣрила. приврнула и привѣрнула.

А малыхъ дѣвоѣ должна учить, которая къ чему годится, а сама бы государыня огнюдо безъ дѣла не была. (107, 50—52). Вмѣстѣ съ тѣмъ она постоянно должна слѣдить за нравственностію домашней челяди и дворни. И все это она должна дѣлать не только «добрымъ разумомъ», но подѣ «наказаніемъ и грозою мужа». За всякое упущеніе, какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ домонаправительствѣ, Домострой грозить женѣ плетью и биченіемъ мужа; такимъ образомъ выходить, что изъ всѣхъ домочадцевъ и слугъ—женѣ приходится быть наиболѣе битою. Потому что передъ мужемъ она отвѣчала не только за свои собственныя дѣйствія, но даже и тогда, когда посуда была не вымыта и стояла не на мѣстѣ, когда кушанье не было покрыто отъ таракановъ, когда изба, сѣны, лавки, полъ, овна, двери, сѣни, лѣстница и крыльцо были не вымыты и нечисты, когда у дверей не было положено рогожи для ногъ, пазонецъ когда на дворѣ и въ конюшняхъ было нечисто. «И увидитъ мужъ, говоритъ Домострой, что у жены и у слугъ что пибудь не въ порядкѣ, или что не такъ сдѣлано, какъ здѣсь написано,—то пусть наказываетъ и учить свою жену наставленіемъ; а если она не живетъ по этому наставленію—тогда слѣдуетъ мужу наказать свою жену страхомъ на единѣ». (65—67).

Но какъ тягостно было положеніе женщины въ семействѣ, такъ однообразна и пуста была жизнь самаго семейства, созданная древнерусскими книжниками. Домострой запрещаетъ всякое смѣхотвореніе, гусли и пляски, игры и пѣсни, которыя онъ называетъ бѣсовскими (Временникъ, I, 13). По его правиламъ, весь домъ долженъ былъ превратиться въ уединенный монастырь, такъ чтобы никто и не зналъ, что дѣлается въ немъ. Посторонній не могъ войти иначе, какъ произнеся предварительно у воротъ краткую молитву, какую говорить при входѣ въ келью монаха (стр. 60). Каждый день, вечеромъ, мужъ съ женою, дѣтьми и домочадцами долженъ пѣть вечерню, павечерницу и полунощницу, да въ полночь встать тайкомъ и помолиться сколько можно. А утромъ, вставъ, слѣдуетъ отпѣть заутреню и часы, а по праздникамъ еще и молебень съ молитвою и кажденіемъ. Кромѣ того отецъ семейства не долженъ упускать ежедневной церковной службы: вечерни, заутрени и обѣдни. А на всякомъ мѣстѣ—въ церкви и дома, на рынкѣ, ходя, стоя и сидя, слѣдуетъ постоянно пѣть въ устахъ молитву Иисусову и чотки держать въ рукахъ. Каждый шагъ долженъ быть рассчитанъ: ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно,

при старѣйшихъ молчаніе, къ премудрѣйшимъ послушаніе, къ старшимъ повиновеніе; отъ злыхъ и плотскихъ удовольствій отлучаться; мало говорить, а болѣе разумѣть; не быть склоннымъ къ смѣху и всегда имѣть зрѣніе долу. А въ недѣлю и праздники господскіе и богородицы, а также въ среду, пятницу и великій постъ, съ женою пребывать въ чистотѣ (12, 25, 16, 18, 19).

Подобно отцамъ Стоглаваго собора, и авторъ Домостроя ожидаетъ всякаго блага въ жизни отъ частой бесѣды духовныхъ отцовъ. И потому онъ совѣтуетъ «часто призывать насъ въ домъ свой, совѣтоваться съ ними по совѣсти во всемъ, какъ учить и любить мужу жену и дѣтей своихъ, а женѣ — какъ повиноваться мужу»: причемъ прибавляется: «слушайте отца духовнаго во всемъ, и чтите его, и бейте челомъ предъ нимъ низко, и повинуйтесь ему со страхомъ, потому что онъ нашъ учитель и наставникъ» (20, 21, 10, 79). И это напоминаетъ нѣсколько разъ (стр. 5, 105). Конечно отцы духовные были лучшими проводниками семейныхъ началъ Домостроя. Такъ въ брачномъ поученіи между прочимъ говорилось: «женѣ у мужа быть въ послушествѣ и другъ на друга не гнѣваться, развѣ нѣкія ради вины мужу поучить ея слегка жезломъ, зане мужъ женѣ, яко глава на церкви... А въ дни господскіе, апостоловъ, евангелистовъ и нарочитыхъ святыхъ грѣха не сотворили бы... въ церковь подаваніе давали бы и съ отцемъ духовнымъ спрашивались бы почасть: той бо на вси блага научить» (Котошихинъ, О Россія, стр. 8).

И благочестивые мужья древней Руси съ полнымъ благодушіемъ воспринимали въ сердцѣ Домостроевскія правила о своемъ правѣ, а потому прилагали ихъ въ жизни. Отецъ Сильвестръ, давая совѣтъ какъ слѣдуетъ «бережливо» бить женѣ, при этомъ замѣчаетъ: «а кто съ сердца или съ кручины такъ (т. е. по-уху, по лицу, подъ сердце кулакомъ, пинкомъ, посохомъ и т. п.) бьетъ—многія притчи отъ того бываютъ: слѣпота и глухота, поврежденіе руки и ноги, головная боль и зубная болѣзнь; а у беременныхъ женѣ случается и поврежденіе дѣтей въ утробѣ». И послѣ такихъ опытовъ, этотъ человѣкъ совѣтуетъ «соими рубашку, плетью вѣжливенько побить, за руки держа», какъ бы назначая границы между биеніемъ по любви и съ сердцемъ. Но противъ его системы благочестиваго воспитанія говорили не только увѣчья, но вообще жизнь.

Домострой совѣтовать какъ можно подальше упирать женщину

отъ мірскихъ взглядовъ; но иностранцы свидѣтельствуютъ, что русскія женщины, сядя взаперти, любили черезъ окна передъ проходящими выдѣлывать странныя позы и посылать имъ двусмысленные взгляды (Олеарій, III, гл. 4). Извѣстно съ какою омерзѣніемъ смотрѣли на иностранцевъ русскіе того времени, но женщины и тутъ находили оправданіе для своего сердца, которое часто не лежало къ суженому-нужебому: «женщинѣ соблюсти съ иностранцемъ, говорили онѣ, простительно: дитя отъ иностранца родится — крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ яновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшитъ: некрещеная вѣра множится». Домострой совѣтуетъ, чтобы бракъ заключать «по верстѣ» и по назначенію родителей; но потомъ и родителямъ и молодой четѣ приходилось слезно каяться; начинались тяжбы, виновнаго ссылали въ монастырь, а «очень часто» мужья и жены травили другъ друга (De Vigne, 20; Котоших. 129). Домострой закрѣплялъ окончательно жену за мужемъ, въ домѣ котораго она должна была стать самою отвѣтственною и безотвѣтною рабою, чтобы только предупредить его угрозы и заслужить «пожалованіе»; но такое угнетеніе женщины съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ Домостроевскихъ понятій, привело къ крайнему семейному разврату. Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей въ томъ, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ, предоставляя имъ право брачной жизни за ссуженную сумму. Но если мужъ не выкупалъ жены въ назначенный срокъ, то заимодавецъ передавалъ ее за выкупъ другому, другой третьему и т. д. (Соб. госуд. грам. III, 245).

Быть можетъ нѣкоторые замѣтятъ, какъ возможны были подобные случаи, при той релігіозности, какою хвалятся древняя Русь? Но въ исторіи двѣ крайности часто сходятся. Тѣ же релігіозные люди, которые цѣловали образа и мощи «задержавъ въ себѣ духъ и губы не раздвѣвая», а когда ѣли просфору, то боялись даже «зубами кусать и губами чавкать» (Домострой, стр. 3 и 4), и которые, по словамъ Олеарія (кн. III, гл. 24), даже дѣтей, еще не умѣвшихъ говорить и ходить, за неисполненіе релігіозныхъ обрядовъ, лишали пищи; тѣ же благочестивые люди, когда готовились къ грѣшному дѣлу, то думали смягчить свое преступленіе, снявъ съ себя крестъ и завѣсивъ образа. И въ этомъ случаѣ мужъ, который по Домострою представляется такимъ блюстителемъ семейной нравственности и порядка, быть самымъ

наглымъ нарушителемъ семейной жизни. Нерѣдко случаясь, что господа, запирая подъ замокъ своихъ женъ, сами насилуютъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, и растлѣвали дѣвицъ (Ак. относящ. къ юрид. быту, 558). Колинсъ же говоритъ, что при Алексѣ Михайловичѣ, его близкій любимецъ обзавелся цѣлымъ гаремомъ любовницъ, а такъ какъ его жена была недовольна этимъ, то онъ постарался отравить ее (Чтен. Моск. Общ. ист. и древ. 1846, I. 26).

Если же Домострой является передъ нами такимъ грознымъ карателемъ за малѣйшее отступленіе жены и домохозяцвевъ, то какъ онъ долженъ былъ отнестись къ нарушеніямъ блюстителя его собственныхъ правилъ? Вотъ отвѣтъ на это: «Если, говоритъ понъ Сальвестръ, мужъ самъ не исполняетъ того, что здѣсь написано, и жены не учитъ, и домъ свой не по Бозѣ строить, по своей душѣ нерадитъ, и людей своихъ по сему писанію не учитъ, то онъ обреченъ на погибель и въ этомъ вѣкѣ, и въ будущемъ, и домъ свой погубить» (стр. 69).

Таковы-то окончательные выводы творца Домостроя. Въ немъ все было сдѣлано для угнетенія женщины и тиранніи мужа. И этими двумя крайностями древне-русскій моральстъ хотѣлъ примирить враждующія стихіи семейнаго разложенія! Но напрасно. И до него провозглашались эти горкія истины, и цѣлые вѣка служили темою для разныхъ книжниковъ; въ Домостроѣ онѣ получили только литературную санкцію. Но какъ и до Домостроя ихъ авторитетъ не спасъ русской семьи отъ общаго теченія къ упадку древне-русскаго общества, такъ и теперь, освященный авторитетомъ книги, онѣ не улучшили дѣла, но только сохранились въ видѣ системы на память ея несостоятельности. Какъ распоряженія Стоглава, такъ и наставленія Домостроя показываютъ, что люди, бравшіеся реформировать общество, нисколько не сознавали негодности старой системы и думали поправить дѣло заплатами на изгнившей одеждѣ. Это обнаружилось только впоследствии. А пока—зло накоплялось и развивалось; плоды его пришлось пожать уже XVII вѣку. Одновременно съ крайнимъ развитіемъ общественнаго разложенія, и разложеніе семейства достигаетъ крайняго предѣла. Въ это время раздается голосъ, обличающій во всеуслышаніе, что нѣкоторые, не желясь вовсе, находились въ блудномъ сожителствѣ съ родными сестрами и даже съ матерями и дочерьми (Собр. госуд. грам. III, 246).

Далѣе уже некуда идти...

III.

Но мы были бы слишкомъ одностороння, если бы на положеніе тогдашняго русскаго общества смотрѣли только глазами доморощенныхъ моралистовъ, каковы отцы Стоглаваго собора и авторъ Домостроя. Въ общественномъ злѣ они видѣли только пороки и потому думали исправить общество одними угрозами, покаяніемъ, моленіемъ и смиреніемъ. Но вѣдь такъ же цѣлые вѣка смотрѣли на дѣло и однако не убереглись отъ бѣды, а своими пассивными средствами только способствовали ея развитію. Общественное зло тогдашней Руси лежало гораздо глубже—это было зло социальное.

Въ ту эпоху, о которой идетъ у насъ рѣчь, русское общество съ верху до низу представляло іерархію рабства. Флетчеръ замѣчаетъ, что русскіе правители стремились къ одному: «разграбить народъ и обогатить казну». Іоаннъ Грозный на этотъ счетъ имѣлъ даже особую поговорку: «мой народъ, говоритъ онъ, подобенъ моей бородѣ, которую чѣмъ чаще я брѣю, тѣмъ она становится гуще. Онъ подобенъ барабанамъ, которыхъ нужно стричь по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, иначе ихъ шерсть только обременяетъ ихъ» (*La Russie au XVI siècle*, par Giles Fletcher, I, 122). И вотъ его поголовно и брили, и стригли. Грабили князья, грабили чиновники, грабили владѣльцы, грабили солдаты, даже грабили монаховъ. Конечно и они сами не уходили отъ грабежа вышнихъ. «Угнетеніе, по замѣчанію Флетчера, было столь открыто и рабство столь велико, что становилось непонятнымъ, какимъ образомъ дворянство и народъ могли терпѣть подобную тираннію, когда они могли еще освободиться отъ нея, и какимъ образомъ цари могли желать, при помощи гнета и несправедливости, охранять тѣхъ, которые даютъ клятву быть христіанами» (I, pag. 100).

Правленіе въ Россіи, говоритъ Флетчеръ, почти турецкое. Русскіе стараются подражать туркамъ на столько, на сколько позволяютъ имъ и природа страны, и ихъ политическая способность. Ихъ правленіе—чистая тираннія, потому что все самымъ варварскимъ и открытымъ образомъ приносится въ жертву интересамъ правителя. Это можно заключить какъ по тому униженію, въ какое повергнуты дворянство и народъ, которые не могутъ противодѣйствовать власти, такъ и по тѣмъ чрезвычайнымъ налогамъ и поборамъ, которые безъ различія поражаютъ

и дворянство, и народъ. Правительство вручаетъ дворянамъ несправедливую и безграничную власть надъ среднимъ и низшимъ классами народа, которыхъ они лишаютъ свободы и подвергаютъ поборамъ вездѣ, гдѣ только находится, а особенно въ своихъ помѣстьяхъ и въ областяхъ, внутреннихъ имъ царемъ.... Дворянство и средній классъ сами не болѣе какъ деньги царскихъ казначеевъ, потому что все, что они имѣютъ, оканчивается тѣмъ, что переходить въ сундуки царя (стр. 64, ч. I).

При такихъ понятіяхъ о правѣ верховной власти, для нея считалось все позволненнымъ. А царь, зная что все стерпять, не останавливался передъ средствами. Здѣсь рассчитывалось только на одно—получить собственную выгоду. Напр. посылали гонцовъ въ тѣ провинціи, которыя производятъ собственно русскіе продукты—мѣха, воскъ, медъ и т. п. и приказывали имъ закупить одинъ, два, а иногда и три этихъ продукта, назначая самую низкую, произвольную цѣну; а потомъ они должны были переиграть ихъ съ ихвою русскими и иностранными купцамъ; если же эти отказывались покупать, то ихъ принуждали къ тому силою. Въ 1589 году такимъ образомъ былъ закупленъ весь воскъ, и никто не могъ торговать этимъ товаромъ, кромѣ казны. И такое насиліе совершалось не только съ русскими продуктами, но и съ иностранными. Къ тому же этотъ грабёжъ не прикрывался даже настоятельною необходимостію, но просто былъ правомъ сильного, потому что случалось напр., что захваченныя въ царскую казну дорогія парчи и сукна гнили тамъ и портились. Тогда насильно заставляли купцовъ забирать ихъ по цѣнѣ, назначенной произвольно, не спрашиваясь даже хотѣли-ли они или нѣтъ. Или же назначали монополію на продукты, доставленные въ казну въ видѣ налога и пошлины, напр. на мѣха, хлѣбъ, лёсъ и т. п. Тогда запрещалось кому бы то ни было продавать ихъ до распродажи царскихъ товаровъ, на которые притомъ назначалась возвышенная цѣна. Такимъ образомъ въ годъ съ однихъ събѣгшихъ припасовъ царь получалъ около 200,000 руб. дохода, а съ лёса, сѣна и т. п. около 300,000 руб. (Fletcher, I, 127—129).

Иногда производъ власти принималъ уже видъ дневнаго грабежа. Напр. заставляли придворныхъ бояръ, имѣющихъ въ Москвѣ дома и пользующихся довѣріемъ, объявить, что они были обкраданы. За тѣмъ призывали земскихъ и приказывали имъ найти воровъ. Когда же земскіе отказывались представить ихъ — осуждали городъ за то, что

управленіе, на денежную пеню въ 8000, 9000 и 10000 руб. за каждый разъ. Это *дѣлается очень часто*, замѣчаетъ Флетчеръ (I, стр. 130). Мы не указывали бы здѣсь на капризную тиранію Іоанна Грознаго, еслибы она не представляла цѣлой системы поголовнаго ищощенія страны. Вотъ нѣкоторые примѣры. Однажды онъ поставилъ въ Пермь требованіе доставить ему известное количество кедроваго дерева, очень хорошо зная, что страна не производитъ его. Жители отвѣчали, что они не могли найти кедра. Тогда онъ присудилъ ихъ къ уплатѣ 12.000 руб., какъ-будто за намѣренное скрѣіе этого дерева. Въ другой разъ онъ потребовалъ съ Москвы полный кошаекъ живыхъ мухъ для приготовленія лекарства. Ему отвѣчали, что это не возможно выполнить, и даже еслибы можно было наловить столько мухъ, то какія необходимы средства для того, чтобы онѣ не вылетѣли? И Москва должна была заплатить царю 7000 руб. Желая лишить знатъ всякаго значенія, а нѣкоторыхъ лицъ той популярности, какую они могли имѣть въ народѣ, живя въ своихъ помѣстьяхъ, Іоаннъ лишилъ многихъ ихъ наслѣдственныхъ имѣній и роздалъ имъ помѣстья въ отдаленныхъ частяхъ государства, гдѣ они, среди неизвѣстнаго населенія, уже не могли имѣть прежняго значенія. Но даже и бѣдствія знати косвеннымъ образомъ падали на народъ. Такъ напр. послѣ неудавшейся охоты на зайцевъ, Іоаннъ потребовалъ съ дворянства 30,000 руб., считая ихъ виновниками истребленія дичи. «А дворяне, какъ водится, замѣчаетъ Флетчеръ, заставили заплатить эту сумму своихъ крестьянъ. Быть можетъ, продолжаетъ онъ, покажется страннымъ обыкновеніе, чтобы стрѣчь бѣдныхъ подданныхъ до живаго, насмѣхаясь надъ ними и обманывая ихъ; но это находится въ гармоніи съ характеромъ русскихъ правителей и съ несчастнымъ рабствомъ этой злополучной страны» (Fletcher, I, 83, 130—132).

А царю вторили его ближайшіе слуги. Правители областей и дѣятели, говоритъ Флетчеръ, назначаются самимъ царемъ, и въ концѣ года ихъ обыкновенно смѣняютъ, развѣ только какая нибудь особенная причина заставитъ удержать ихъ на томъ же мѣстѣ еще годъ или два. Самы по себѣ они не имѣютъ довѣрія и популярности въ странѣ управляемой ими области; потому что они не оттуда родомъ, не тамъ выросли и не имѣютъ тамъ вотчинъ. Правитель даетъ за эту службу рублей 100 въ годъ, иные получаютъ не болѣе 50, или даже 30. Оттого они еще болѣе подозрительны и ненавидимы народу, на который они сва-

ливаются каждый годъ, нагіе и голодные, чтобы стричь и грабить этотъ народъ безъ суда и совѣсти. Начальники четвертей терпятъ эти поборы, потому что хотятъ къ свою очередь грабить этихъ правителей и извлечь изъ нихъ побольше добычи, когда они будутъ давать свой отчетъ, что бываетъ въ концѣ ихъ службы. Тогда ихъ несправедливости къ бѣдному народу и ихъ притѣсненія бываютъ выгодны ихъ начальству. Не много бываетъ такихъ, которые избавляются отъ бато-говъ, и большинство изъ нихъ готовится къ этому. Потому они, сколько возможно, стараются запастись добычею отъ своихъ подчиненныхъ, чтобы досталось и царю и начальникамъ четверти, и сберечь хорошую долю для самого себя... У народа каждую минуту отнимаютъ его деньги, дома и все остальное, иногда подъ предлогомъ защиты края, а иногда даже и не ссылаясь на интересъ царя или государства. Та-кимъ образомъ ни дворянство, ни народъ не имѣютъ достаточно силы, чтобы попытаться измѣнить такое положеніе страны: по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока царская армія, которая состоитъ главнымъ изъ 8000 *наемныхъ* солдатъ, останется вѣрною и будетъ поддерживать насто-ящее правленіе. Солдаты же имѣютъ полное право притѣснять и гра-бить народъ, такъ какъ это имъ позволено, съ цѣлю—привязать ихъ къ настоящему порядку вещей. Нѣтъ никакого основанія бояться сол-датъ и народа; въ дѣйствительности они слишкомъ ненавидимы и слиш-комъ враждебны другъ другу (Fletcher, I, 97, 1021).

Кромѣ податей, таможенъ, конфискацій и другихъ вымога-тельствъ казны, народъ подвергался еще такимъ истязаніямъ и грабежу дворянства, чиновниковъ и царскихъ посланниковъ, особенно въ ямахъ и городахъ, гдѣ бываютъ ярмарки, что приходилось видѣть деревни и села, въ полмили и къ милю длиною, не имѣвшими вовсе жителей, по-тому что разбѣжались, чтобы избавиться отъ дурнаго обращенія и поборовъ. По московской дорогѣ (изъ Архангельска), говорятъ Флет-черъ, на пространствѣ болѣе 100 англійскихъ миль, отдѣляющихъ Во-логду отъ Ярославля, встрѣчается не меньше 50 деревень, одѣ въ 1/2 мили, другія въ милю длиною, которыя остаются опустѣлыми и безъ

1) Изъ словъ Вассіана можно заключить, что солдаты въ домахъ позволяли себѣ бить и грабить хозяевъ, оскверняли женъ и дѣвницъ, обижали черницъ, вдовъ и сиротъ, и т. п. Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. 1859, № III, 12.

жителей. Тоже самое и въ другихъ частяхъ государства, какъ говорили мнѣ люди, имѣвшіе больше моего случая въ времени путешествіе тамъ. Это угнетеніе, которому подвергается народъ, лишаетъ его охоты работать. Онъ хорошо знаетъ, что чѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть, тѣмъ болѣе будетъ для него опасностей не только за имущество, но и за жизнь. Какъ только эти люди что нибудь приобретутъ, они всячески прячутъ свое имущество, или складывая его въ какомъ нибудь монастырѣ, или зарывая въ землю и скрывая въ лѣсахъ, какъ дѣлають, когда опасаются непріятельскаго нашествія. Вы часто можете видѣть какъ они трепещутъ отъ страха, чтобы бояринъ не узнать, что у нихъ есть для продажи. Я самъ видѣлъ какъ иногда, разложивши свои товары для выбора, они осматривались кругомъ и къ дверямъ, какъ-будто опасаясь, чтобы непріятель не захватить ихъ въ распахъ. Когда я спрашивалъ ихъ о причинѣ этого, они говорили мнѣ: я боюсь какъ бы не занесть сюда какой нибудь дворянинъ или сынъ боярскій; онъ бы отнять у меня мой товаръ (Fletcher, I. 136—138).

И отечественныя извѣстія служатъ лучшимъ подтвержденіемъ этого мастерскаго изображенія насилій чиновной орды и служилыхъ людей. Самъ Іоаннъ Грозный говорилъ про намѣстниковъ и волостелей, что они «стали для народа волками, гонителями и разорителями» (Сводный судебн. стат. 102; въ Юридич. Сборн. Менера, 1855 г.) А о своемъ воліи бояръ, особенно Шуйскихъ, онъ такъ писалъ къ Курбскому: «потомъ на села и города паскочили и безъ милости пограбили жителей, а какія напасти отъ нихъ были сосѣдямъ, исчислить нельзя; подчиненныхъ всѣхъ сдѣлали себѣ рабами, а работъ своихъ сдѣлали вельможамъ; думали что править и строить, а вмѣсто того вездѣ были только неправды и нестроенія, мзду безмѣрную отовсюду брали, все говорили «дѣлали по мздѣ» (Сказанія Курбскаго, 183). Еще рѣче объ этихъ злоупотребленіяхъ говорить Искосвѣи гтоипсець. По поводу насилій Андрея Михайловича Шуйскаго и Василія Ивановича Реннина-Оболенскаго, онъ замѣчаетъ: «Эти намѣстники были свирѣпы какъ львы, а люди ихъ, какъ звѣри дикіе, зли до крестьянъ; и начали ябедники добрыхъ людей клепать, и разбѣжались добрые люди по инымъ городамъ, а игумены изъ монастыренъ убѣжали въ Новгородъ. Князь Шуйскій былъ злодѣй: дѣла его зли на пригородахъ и на волостяхъ; поднималъ онъ старыя дѣла, правилъ на людяхъ по сту рублен и больше, а во Псковѣ мастеровые люди всѣ дѣлали на него даромъ, большіе же

люди давали ему подарки. (Пол. Собр. русск. лѣт. IV, 304). Есть извѣстіе, что князь Андрей Шуйскій разорялъ землевладѣльцевъ, заставляя ихъ силою, за малую цѣну продавать ему свои отчины; крестьянъ разорялъ требованіемъ большого числа поднощъ для своихъ людей, ѣздящихъ къ нему изъ его деревень и обратно: каждый его слуга, каждый крестьянинъ, подъ защитою имени своего господина, позволялъ себѣ всякаго рода насилія (Соловьевъ, VI, 79). Однѣмъ словомъ, «тогда князья, бояре, вельможи и судьи градскіе были исполнены самоволія, жили ничего не боясь и не право судили. Тамъ поганые христіанъ губили и воевали, а здѣсь губили христіанъ бояре и воеводы мздами, налогами и великими продажами. А по ихъ примѣру поступали простые дворяне и дѣти боярскіе, а также и рабы, смотря на своихъ господъ. Тогда въ городахъ и селахъ неправда умножилась, размножились убійства и грабежи и во всей землѣ были слышны только слезы, рыданіе и громкій вопль.» (Никоновск. Лѣтоп. VII, 48) Флетчеръ хорошо дополняетъ эти извѣстія объ участіи въ насиліи даже слугъ, вымещавшихъ свое горе на собратьяхъ по общей участи, когда замѣчаетъ о рабскомъ духѣ и бюрократической снѣси тогдашнихъ русскихъ. Онъ говоритъ: «самый простой и жалкій крестьянинъ, который какъ собака пресмыкается предъ дворяниномъ и лижетъ пыль отъ его ногъ, получая какую нибудь власть, становится невыносимымъ тираномъ» (Fletcher, II, 175).

Положительность и политическая зависть, подыскивающаяся подъ благосостояніе ближняго, размножили цѣлый классъ ябедниковъ и доносчиковъ, которые только и кормились, что на счетъ разореній оклеветанныхъ ими лицъ. Эта язва тогдашняго общества заставляла многихъ таиться и прятать свое добро подъ замокъ, а потому неудивительно, что многіе предпочитали скорѣе отдать его на сохраненіе въ монастыри, чѣмъ пользоваться имъ. Аппъ только оказывалось, что какой нибудь служилый человѣкъ зажить лучше, какъ его уже успѣвали обогатить, и наконецъ доводили дѣлю до того, что его имѣніе забиралось въ казну. Самый этотъ фактъ показываетъ, что въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ какъ-будто и не предполагалось другой причины лучшаго житія чиновника, кромѣ хорошей поживы. Хороши же были служилые люди! а какъ постѣ этого жились простымъ смертнымъ, на которыхъ опи сваливались всю тяжесть своего произвола? Вотъ какъ одинъ писатель XVII вѣка объясняетъ намъ причину бѣдственнаго житія русскихъ. «Даже и самымъ меньшимъ чинамъ, говоритъ онъ,

нельзя построить хороших домовъ, потому что какъ только узнать, что у кого изъ нихъ есть богатство, или ежели построить домъ какойнибудь приказный человекъ,—оболгутъ передъ царемъ и многія кривды учинять, что будто онъ былъ посульщикъ и инхочецъ, царской казны не берегъ или воровски обкрадывалъ ее: и отъ того злаго слова постигнуть этого человека не во время болѣзни и печаль. Или изъ ненависти пошлютъ его на другую царскую службу, гдѣ онъ не въ состояніи справиться съ дѣлами, и наказъ ему еще такой напишутъ, въ которомъ онъ ничего не пойметъ,—и на этой службѣ онъ прослужится. А за это ему бываетъ наказаніе: и домъ иivotы и вотчины возьмутъ на царя и продадутъ тѣмъ, кто желаетъ купить. Если же торговый человекъ или крестьянинъ обзаведется лучшею обстановкою, то на него наложить податей побольше. Вотъ почему Московскаго государства люди живутъ неустроенными домами, и города и слободы у нихъ безъ устройства (Котошихинъ: О Россіи, 128).

Если же такъ давили русскій людъ со всѣхъ сторонъ, то гдѣ же было искать управы уже тѣмъ, которымъ некого было давить? Среди ихъ не было такой спасительной силы — и вотъ они шлютъ грамоты прямо къ царю, извѣщая его, что «отъ намѣстниковъ и отъ ихъ тиуновъ, и отъ доводчиковъ многія деревни запустѣли», что «намѣстники и волостели въ нихъ пошлинные люди сверхъ указаго жалованья чинятъ имъ продажи и убытки великіе». Въ царствованіе Іоанна Грознаго дѣйствительно было оказано вниманіе къ подобнымъ заявленіямъ, подтверждавшимся фактами, уже слишкомъ бывшими въ глаза, чтобы ихъ не замѣтить. «И показалъ онъ, говорить ѿтописецъ, милость свою и началъ жаловать и грамоты раздавать по всѣмъ большимъ городамъ, и по пригородамъ, и по волостямъ, чтобы лихихъ людей обыскивать самими крестьянамъ между собою по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертною казнію, и не водить ихъ къ намѣстникамъ и тиунамъ» (Полн. Собр. рус. лѣт. IV, 304; Уставн. Важск. грам. Ав. Арх. Экспед. I, № 234). Это распоряженіе до того казалось важнымъ въ глазахъ жителей, что они «начали за государя Бога молить и Богородицу и святыхъ за его жалованье и изъявленіе милости до сиротъ своихъ» (Полн. Собр. русск. лѣт. IV, 305). Но, скажемъ мимоходомъ, такое важное учрежденіе, не могло привиться повсемѣстно, потому что оно обуславливалось большими расходами. Такъ изъ Двинской уставной грамоты видно, что за одну эту льготу, не считая другихъ пошлинъ,

въ казну приходилось платить по 20 московскихъ рублей съ каждой сохи, а по Важской грамотѣ этотъ годовой оброкъ значится въ 1½ тысячи рублей. Кроме того онъ долженъ былъ уплачиваться деньгами, что для поселянъ было гораздо труднѣе, чѣмъ платить натурою своимъ волостелямъ. Если же оброкъ не былъ представленъ въ срокъ и исполна — тогда парушителей ожидалъ двойной штрафъ противъ долгаго и еще плата за ѣзду приставовъ (Ак. Арх. Эксп. I, № 250, 234). На общины была также возложена обязанность доставлять разные сборы (таможенный, кабацкій, съ рыбныхъ ловель и т. п.) въ казну; но если было доставлено меньше, чѣмъ въ предыдущіе годы, тогда остальное взыскивалось съ выборныхъ, на которыхъ лежала отвѣтственность за нихъ; а если выборные не могли уплатить недоимки, то она взымалась съ тѣхъ, кто ихъ выбралъ (Чичерина: Обл. устр. стр. 64). После этого кто могъ рисковать попасть въ выборные, а всѣ знали, что при тогдашнемъ бѣдственномъ положеніи хозяйства, недоимка — вещь весьма обыкновенная.

И такъ, что еще оставалось дѣлать тѣмъ, которыхъ постоянно грабили? — Они или сами расправлялись съ своими тиранами (т. е. не давались подъ судъ, не платили кормовъ, наконецъ били ихъ; Ак. Эксп. I, № 242), или просили царя охранить ихъ и избавить отъ грабителей. Но и здѣсь самъ царь не всегда являлся строгимъ блюстителемъ правды. Въ 1547 году пріѣхали къ Іоанну въ село Островку 70 псковичей жаловаться на своего намѣстника, а онъ, вмѣсто управы, началъ обливать ихъ горячимъ виномъ, палить бороды, зажимать волосы свѣчею и велѣлъ покласть ихъ нагихъ на землю. Ихъ спасло только извѣстіе, что упалъ въ Москвѣ большой колоколъ, что заставило Іоанна поспѣшить туда (Пол. Собр. рус. лѣт. IV, 307).

Флетчеръ замѣчаетъ, что въ интересъ обогащенія царской казны, даже не мѣшаютъ властямъ и чиновникамъ дѣлать вымогательства и подкушы. Ими позволяютъ это дѣлать до истеченія срока ихъ службы. Тогда призываютъ ихъ за такое поведеніе на праведъ; забираютъ у нихъ, какъ у пчелы медъ, всю ихъ добычу, и отдаютъ въ царскую казну, но никогда не возвращаютъ ничего ея законному владѣльцу, какъ бы ни была велика и очевидна несправедливость, причиненная ему. Князья и дьяки — эти голодные, которыхъ посылаютъ въ провинціи и притомъ на одинъ годъ, именно таковы чтобы разыгрывать эту роль.

Ихъ можно было бы оставить и гораздо долѣе на одномъ мѣстѣ, не опасаясь, что дѣла пойдутъ наоборотъ, потому что какъ на взглядъ чиновниковъ, такъ и народа, они именно и должны такъ идти. Лишь только эти люди сваливаются на народъ — они его сосутъ такъ же сильно, какъ тѣ мухи, съ которыми императоръ Тиберій имѣлъ обыкновеніе сравнивать своихъ преторовъ и чиновниковъ провинцій: «мухи, которыя вновь прибываютъ, говорилъ онъ, бросаются на старыя язвы». По временамъ изъ этихъ чиновниковъ, которые грабятъ народъ, выбираютъ одного наиболѣе прославившагося своими злодѣянствыми и представляютъ его въ приѣздъ, чтобы показать, что царь недоволенъ угнетеніемъ своего народа и что онъ налагаетъ отвѣтственность на своихъ повѣренныхъ. Вотъ напримѣръ, что сдѣлалъ Іоаннъ Васильевичъ съ однимъ дякомъ, который, кромѣ другихъ вымогательствъ, велѣлъ себѣ приготовить гуся, наполненнаго серебромъ. Винованаго привели на рынокъ въ Москвѣ; императоръ самъ присутствовать и держать рѣчь. «Вотъ, добрый народъ, сказалъ онъ, — эти люди, которые хотѣли васъ ѣсть, какъ хлѣбъ и т. д.» Потомъ онъ спросилъ у своихъ палачей: «кто изъ васъ сумѣетъ разрѣзать гуся?» И приказалъ одному палачу тотчасъ перерубить ноги у преступника посрединѣ кости; за тѣмъ руки повыше локтя — все еще спрашивая его: «хорошъ-ли гусь?» Наконецъ царь велѣлъ снять ему голову, чтобы онъ такъ же былъ хорошъ, какъ и приготовленный гусь. Все это, замѣчаетъ Флетчеръ, могло бы служить доказательствомъ хорошаго правосудія въ Россіи, но не это было цѣлью, предположенною Іоанномъ: въ дѣйствительности онъ только хотѣлъ лукаво прикрыть свой гнетъ (Fletcher, I, 122—125).

При такой беззащитности, имѣть ничего удивительнаго, если народъ толпами бѣжалъ, куда глаза глядятъ. Къ тому же, кромѣ бѣды общественныхъ, его постоянно постигали физическія бѣдствія: болѣзнь, моръ, голодъ. Напр. въ 1552 и 1553 гг. въ Новгородскихъ и Псковскихъ областяхъ свирѣпствовалъ такой моръ, что умерло болѣе 300,000. Въ 1565 г. открылся моръ въ Полоцкѣ, и на слѣдующую весну прошелъ онъ черезъ Луки, Торопецъ, Смоленскъ, потомъ въ Великій Новгородъ, Старую Русу, Псковъ, вплоть до Москвы. Въ 1570 г. онъ свирѣпствовалъ по всему государству. (Полн. Собр. рус. лѣт. III, 155, 169, IV, 308, 317; Соловьевъ, VII, 68). Но бѣдному классу доставалось вдвое: на него обрушивался и голодъ.

но несостоятельнымъ, угрожало рабство (Fletcher, I, 150). А въ Сибиря насильно хватали безпомощныхъ сиротъ и сменявали чужихъ женъ, потомъ дѣлали на нихъ фальшивые акты и передавали изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Но это закладываніе безпріютныхъ голышей было только тѣмъ, что называется «изъ огня да въ полымя». Насчетъ слугъ давалось такое пастырское наставленіе: «если рабъ или рабыня тебя не слушаетъ и по твоей волѣ не ходитъ, то пѣти на нихъ не щади» (Погод. Сборн. 1228; Костомарова Очеркъ нравовъ, 115). Положеніе крестьянскаго сословія было вообще тягостно. Пять дней работать крестьянина на господѣ, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю для праздникои (Das gr Reich. v Mose и Костомаровъ, стр 118). Три лошадеики и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселянина; а если, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три сыныи, двѣ козы, пять паръ овецъ, да нѣсколько куръ и утокъ, тотъ уже считался богачомъ (Ак. Эксп. I, 1, 192). Въ то время, когда господа такъ щедры были на пожертвованія въ монастыри и церкви, случалось, что ихъ собственные рабы голодомъ таяли, наготою страдали, терпѣли тѣсноту и скудость въ тѣлесныхъ потребахъ» (Соловьевъ, IV, примѣч. 322, V, 291). Дворовые люди должны были довольствоваться дурно испеченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мяса они и не видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникаи. Кромѣ того ключники и дворецкіе, выбранные изъ рабовъ же, старались еще половину положить въ свой карманъ. Произволъ владѣльцевъ и вообще дворянъ въ отношеніи къ крестьянамъ и слугамъ доходилъ до того, что честь и жизнь послѣднихъ они не ставили и въ грошъ. Часто случалось, что господня насильно замужнихъ рабынь и дѣвицъ и умерщвляли дворовыхъ людей (Ак. отпос. къ юрид. быту, 558). «Если, говоритъ Флетчеръ, дворянинъ обокрадетъ или убьетъ бѣднаго мужика, то трудно добиться того, чтобы его наказали или даже призвали къ отвѣту.... Если же кто нибудь убьетъ своего раба—то ему и не говорятъ ничего.... этого человѣкъ его холопъ и потому онъ имѣлъ право надъ его жизнью. Много-что, если виновный богачъ будетъ присужденъ заплатить императору небольшой штрафъ» (Fletcher, I, 153. 154). Рабское же униженіе крестьянъ было такъ велико, что, по словамъ Флетчера, если бѣдный мужикъ встрѣчалъ дворянина, чиновника или военнаго, то долженъ былъ или своротить съ дороги, не осмѣливаясь посмотрѣть на него прямо въ лицо, или бити челомъ въ землю, какъ передъ идоломъ (I, 136).

Въ 1557 г. митроп. Макарій писалъ: «ужь сколько лѣтъ хлѣбъ не родится, наиболѣе же въ нынѣшній годъ... люди разошлись теперь по многимъ волостямъ, весамъ и городамъ, чтобы только пропитаться. А оставшіеся изнемогають отъ голода, нѣкоторые же и умирають голодною, горькою, нужною смертію» (Прибавъ къ доп. къ И. А. № 221). Открылась страшная дороговизна, голодные мертвыми падали по улицамъ, яли, повстрѣчавшіеся, убивали и ѣли другъ друга. Сильный голодъ и смертность еще болѣе способствовали развитію заразы. вмѣстѣ съ тѣмъ древне-русскимъ городамъ сильно приходилось терять отъ пожаровъ: достаточно вспомнить большой московскій пожаръ при Грозномъ; въ 1541 г. выгорѣлъ въ Новгородѣ весь Славенскій конецъ, 908 дворовъ, а въ 1554 отъ поджога сгорѣло 1500 дворовъ. И какъ скоро иногда пустѣли населенныя мѣстности—можесть служить примѣромъ Муромскій посадъ. Въ 1574 году тамъ было: тѣлыхъ черныхъ дворовъ 111, жителей въ нихъ 149 чел., 107 дворовъ пустыхъ, да пустыхъ дворовыхъ мѣсть 520, тогда какъ восемь лѣтъ назадъ было 587 дворовъ населенныхъ; прежде однихъ занятыхъ лавокъ было 202, а теперь только 17—и всѣ пустыя (Соловьевъ, VII, 45). И какъ бѣжалъ народъ отъ разоренія властелей и судей, такъ точно онъ бѣжалъ отъ мора и голода, потому что ѣсть было нечего.

Многіе сибѣшили закладываться за сильнаго и богатаго, потому что подъ защитою сына еще можно было укрыться отъ «сосанія» разныхъ дьяковъ, приставовъ и ѣздоковъ; а богатый по крайней мѣрѣ могъ выволить отъ голодной смерти. Вотъ почему богатые владѣльцы и монастыри, пользовавшіеся значительными льготами, всегда имѣли приливъ населенія гораздо болѣе сравнительно съ остальными. Конечно, этимъ закладчикамъ часто приходилось разочаровываться въ своихъ надеждахъ, но нужда брала свое. Въ то время считалось аристократизмомъ имѣть огромную дворню—и потому богатые и знатные съ охотою принимали всякихъ бездомовныхъ бобылей. Чисто дворни иногда доходило до 1000, а между тѣмъ приобрѣтеніе и содержаніе ея почти ничего не стоило. Такъ въ XVII в. нѣкоторые отдавали себя рубль за три на цѣлую жизнь. Другіе же продавали себя съ женами, дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ, или просто закладывали сыновей и дочерей, которые такимъ образомъ становились рабами по прихоти родительской. Даже должникамъ, еще дорожившимъ своею свободою,

Крестьяне и рабы, обременные работами и лишённые, по милости барской, самых необходимых потребностей, хорошо понимали, что изъять их труда имъ ничего не достанется, и потому пренебрегали трудомъ. Чего не добереть бывало владѣлецъ, то добряли приставы и приказчики (Соловьёвъ. VII. стр. 53, 125, 128). Понятны цостъ этого свидѣтельства иностранцевъ о лѣности русскихъ. «Народъ, говоритъ Флетчеръ, знаетъ хорошо, что чѣмъ болѣе онъ имѣетъ, то тѣмъ болѣе для него опасности не только за свое добро, но даже за жизнь.... Народъ угнетенный и лишенный того, что онъ вырабатываетъ, лишается и энергія къ труду» (Fletcher, I, 137, 138). Оно такъ и было. Олеарій прямо говорить, что «на работу—русскихъ можно загнать только палками и плетью» (кн. III, гл. 4).

И вотъ—съ одной стороны горькая нужда, съ другой страшная притѣсненія чиновниковъ и владѣльцевъ, заставляли русскій народъ или заливать свое горе, или идти промышлять. «Несчастные работники и ремесленники, замѣчаетъ Флетчеръ, часто истрачиваютъ въ кабакахъ все то, что они должны были бы принести своимъ женамъ и дѣтямъ. Нѣкоторые ставятъ на столъ 20, 30, 40 рублей и болѣе, давая обѣтъ пить до тѣхъ поръ, пока у нихъ ничего не останется. Это, они говорить, въ честь императора. Можно видѣть какъ они допиваются до одежды и остаются совершенно голыми.... Каждый кабакъ приноситъ дохода въ 800, 900, 1000 руб. или даже въ 2000 и 3000 руб.» (Fletcher, I, 123, 130). Дѣлать подробныя указанія на свидѣтельства о всеобщей страсти тогдашнихъ русскихъ къ пьянству—значитъ повторять слишкомъ извѣстныя вещи. Но многіе предпочитали идти пьянствовать и разбѣзжать. «Число бродягъ и нищихъ, говоритъ Флетчеръ, безконечно. Преслѣдуемые голодомъ и крайнею нуждою, они выпрашиваютъ съ жестокимъ отчаяніемъ: «дайте мнѣ и побейте меня, дайте мнѣ и убейте меня», прищипывая они» (Fletcher, II, 176). Изъ Домостроя видно, что слуги иногда разбѣгались, или шли, красть, разбивать и чинить всякое зло потому только, что терпѣли нужду въ пищѣ и одеждѣ (Время, I, 49). Озюбленные противъ своихъ господъ, крестьяне и слуги искали только случая, чтобы за все отомстить имъ. Такъ не рѣдко господа, возвратившись съ войны или службы, находили свое имѣніе пустымъ и разореннымъ. Или еще хуже; дворовые составляли шайки, соединялись съ нищими и просили милостыни, а по ночамъ нападали

на прохожихъ, съ топорами, ножами и кистенями. и производили пожары, чтобы только поживиться. Иногда случалось, что они сожигали или убивали своихъ господъ съ женами и дѣтьми, а сами уходили на Донъ или на Волгу. А нѣто изъ мести доносили на своихъ господъ, обвиняя ихъ въ злоумышленіи на царя и даже выдерживали въ доказательство этого пытки, которымъ ихъ подвергали. Бѣжали не только крестьяне, но и посадскіе, то подъ именемъ монастырскихъ старцевъ, то въ видѣ нищихъ, и также вступали въ эти бродячія шайки и производили пожары и грабежъ (Mayerberg, Доп. къ Ист. Ак. I, 398, III, 138, 144, 318, IV, 246, 261; Ак. Относ. къ юрид. быту, 15; Уложен. гл. XX; Доп. къ Ист. Ак. VI, 117; Ак. Ист. II, 166, IV, 537, V, 121; Fletcher, II, 175).

Да, шли пить и грабить не потому, что позабыли заповѣди Божіи, какъ думали отцы Стоглаваго собора и разные обличители, а потому, что ѣсть было нечего.....

Впрочемъ, для тогдашняго общества было еще одно убѣжище, привлекавшее многихъ своею тишиною, защитою отъ политическихъ и административныхъ гоненій, наконецъ покоемъ и обезпеченностію. Это было—монастырь. «Русскихъ влекла туда, говорить Флетчеръ, та безопасность, которую давало монашеское званіе сравнительно съ гнетомъ и поборами, какіе терпѣлъ народъ. Многіе надѣвали монашеское платье какъ лучшее оружіе противъ подобныхъ ударовъ. Но кромѣ добровольныхъ монаховъ были тамъ и такіе, которые должны были постричься; это были по большей части представители дворянскихъ фамилій. Нѣкоторые шли въ монастырь какъ въ мѣсто убѣжища и дѣлались монахами, чтобы избѣжать заслуженнаго наказанія и преслѣдованія законовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если кто успѣетъ убѣжать въ монастырь, и прежде, чѣмъ будетъ взятъ, возложить на свою голову кlobукъ, тотъ остается навсегда защищеннымъ отъ всякаго преслѣдованія законовъ, какое бы онъ ни совершилъ преступленіе, кромѣ оскорбленія величества. Однако, по приказанію царя, никто не принимается въ монастырь, не давъ на него земель или извѣстной суммы, которую онъ обязуется внести въ монастырскую казну. Такъ нѣкоторые даютъ 1000 руб. и болѣе, и никто не принимается съ суммою менѣе 300 и 400 руб.» (Fletcher, II, 95, 96). Богачи даже считали спасительнымъ подвигомъ дѣлать складчину въ пользу леиумнаго. И уже въ XVI вѣкѣ въ Россіи

было такое множество монаховъ, что Флетчеръ русскихъ называетъ «племенемъ монастырей» (II. 99). «Тамъ, говоритъ онъ, безчисленное множество монаховъ и гораздо больше, чѣмъ въ какой нибудь католической странѣ. Они снуютъ въ каждомъ городѣ и въ большей части деревень». Въ одномъ Троицкомъ монастырѣ ихъ было около 700 человѣкъ, не считая монастырской прислуги (II. 96, 97). Это явленіе весьма понятно при томъ давленіи, какое испытывало тогдашнее общество. Если народъ бѣжалъ отъ общественныхъ невзгодъ и обязанностей (напр. службы)—на Волгу, на Донъ, въ лѣса, или просто куда глаза глядятъ, то отчего же было не бѣжать ему въ монастыри, когда доступъ въ нихъ былъ открытъ для всякаго, и гдѣ каждый могъ найти и теплый уголокъ и беззаботный кусокъ хлѣба. Бѣглецовъ разыскивали, бродягъ ловили, а монаховъ навсегда былъ огражденъ отъ этой тревоги своимъ платьемъ. Стоглавъ въ этомъ случаѣ хорошо объясняетъ это всеобщее стремленіе въ монастырь, замѣчая, что въ то время въ монахи шли «покою ради тѣлеснаго», или, какъ сознавался одинъ монахъ Флетчеру, чтобы по крайней мѣрѣ «быть спокойно»; потому что, въ міру многими приходилось и совѣсть не ѣсть, а сидя поджидать голодной смерти. На сколько это убѣганіе въ монастырь было общимъ явленіемъ XVI вѣка и постоянно усиливалось къ XVII вѣку, лучше всего видно изъ того, что въ одномъ XVII столѣтіи вновь возникло до 220 монастырей и пустыней, тогда какъ, по словамъ г. Шапова, «въ самую цвѣтущую эпоху монашества въ Россіи—въ XIV вѣкѣ ихъ возникло только до 80, а въ XV до 70» (Русскій Расколъ, стр. 207). Отсюда само собою понятно, какъ пагубно должна была отражаться на тогдашнемъ русскомъ обществѣ, и безъ того обремененномъ не по силамъ разными налогами и повинностями, эта убыль здоровыхъ силъ. Цѣлыя тысячи приходилось съ-разу отсчитывать изъ общественной организации. И въ добавокъ на эти тысячи приходилось еще и трудиться тому же, кругомъ обрѣзанному народу. Да и какъ трудиться! Одинъ обличитель XVI вѣка замѣчаетъ, что монахи «морили» своихъ крестьянъ «частыми тягостями трудовъ всяческихъ» и за малѣйшее отступленіе «озлобляли ихъ оковами желѣзными». Они отдавали имъ деньги въ ростъ и даже хлѣбъ занимали съ «насыпомъ», а въ случаѣ неотдачи долга мучили ихъ бичами, лишали свободы, отнимали ихъ пожитки и самихъ выгоняли изъ своихъ имѣній «съ тощими руками». Однимъ словомъ, монастырскіе крестьяне, подобно остальнымъ своимъ

собратьямъ по участи, »томились въ житейскихъ потребахъ, въ скудости и нищтѣ всегда пребывали, не имѣя даже чистаго ржанаго хлѣба, а часто и соли отъ крайней нищеты—: тогда какъ ихъ владѣльцы пили и роскошничали подобно князьямъ и боярамъ (Соч. Максима Грека, Прав. Соб. 1860 г. ноябрь; Бесѣда ума съ душею, и Прав. Соб. 1861. февр. 131). И здѣсь слышатся такія же жалобы, какъ и тамъ. Напр. на архимандрита Спасскаго монастыря жаловались, что онъ сажаетъ крестьянъ въ тюрьму, сираляетъ подати вдвое, »черезъ насилие, отъ котораго монастырскія вотчины запустѣли» (Ак. Арх. Эксп. I, № 313). Такъ, часто случалось, что простой мужикъ, вступивъ въ монастырь, выплачивать на своего собрата мірское горе, потому только, что тотъ еще хотѣлъ работать и потому уже былъ честиѣ его, дармоѣда.

Но зло подступало еще и съ другой стороны. Въ древней Руси никакое учрежденіе не пользовалось такимъ уваженіемъ и такими льготами, какъ монастырь. Туда несли свои богатства тѣ, которые заботились о вѣчномъ помяновеніи своей души, и тѣ, которые хотѣли сохранить свои богатства отъ произвола сильныхъ. Во всякомъ случаѣ монастырь получалъ большіе вклады. Случалось и такъ, что подъ вліяніемъ благочестивой ревности того времени, многіе предпочитали отдать свое достояніе по смерти въ монастырь, а не родственникамъ, которые даже терпѣли пужду. Въ то время монахи были постоянными собесѣдниками благочестивыхъ людей, въ особенности въ знатныхъ домахъ, и тутъ-то не было конца выпрашиваніямъ на монастырь. Они прямо говорили: »не давайте имѣній даже убогимъ родственникамъ, а записывайте ихъ лучше въ монастырь, за что святые вымолятъ у Бога царствіе небесное, потому что все это идетъ въ руки Божіи» (Опис. Рум. Муз. 243, 244; Прав. обзор 1862, іюнь, Ересь жидов. 180; Полн. Собр. рус. лѣт. IV, 238). Цари и князья также благотѣльствовали монахамъ, которые ихъ сильно угождали, за что и получали отъ нихъ »грады, села и волости». Въ этомъ случаѣ монахи даже подѣлывали нѣкоторыя мѣста въ священныхъ книгахъ и опирались на нихъ въ свою пользу (Сказанія Курбскаго: Ист. Іоанна; Чтен. Моск. Общ. ист. 1859, III. Разсужденіе Вассіана, стр. 6. 7). И вотъ, лишь только какой старецъ поставитъ монастырь—и князья и бояре спѣшатъ угодить дарами новаго покровителя—святаго. Такимъ образомъ это

всеобщее стремление къ монастырямъ и уваженіе къ нимъ привело наконецъ къ тому, что въ XVI вѣкѣ оказалось, что цѣлая треть государственныхъ земель находится въ ихъ рукахъ (Горсей, О Московіи: Адамъ Климентъ говоритъ: «Nam tertiam fundorum partem totius imperii tenent monachi». Вѣр. Moscovitar. Comment. Francofurti, 1600, pag. 153 1). Но, получая обширные поземельные надѣлы, монастыри приобретали еще на нихъ громадныя привилегіи и льготы. Они и ихъ крестьяне освобождались отъ податей и пошлей (всѣхъ или нѣкоторыхъ); а нѣкоторые получали право собирать въ свою пользу пошлыны и подати даже съ лицъ и мѣстъ, не подчиненныхъ имъ; они избавлялись отъ подсудимости мѣстнымъ властямъ, отъ проѣздовъ черезъ ихъ села княжескихъ чиновниковъ и выдачи имъ корма, подводъ и проводниковъ. Многіе монастыри получали право держать пята для покупки и продажи лошадей, а нѣкоторые изъ нихъ имѣли даже судебную власть надъ людьми, живущими на ихъ земляхъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ (привилегія слишкомъ обыкновенная), но и въ уголовныхъ. Изъ множества жалованныхъ грамотъ монастырямъ видно, какія идеи управляли тогдашнимъ вѣкомъ и людьми. Эти льготы были до того привлекательны для лицъ, постоянно обременяемыхъ налогами и поборами, что многіе люди, даже свободнаго состоянія, «посадскіе и уѣздные» охотно закладывались за монастыри. Оттого иногда посады и села пустѣли, и правительство принуждено было насильно возвращать крестьянъ, перешедшихъ отсюда на монастырскія земли, такъ какъ оставшимся тяжело было нести повинности (Ак. Арх. Эксп. I, № 201; Важская грамота). И намъ кажется, что одною изъ главныхъ причинъ закрѣпленія крестьянъ было сильное развитіе монастырской собственности, надѣленной огромными льготами, которыя, приманивая крестьянъ, лишали государство и безъ того скудныхъ средствъ. Это видно изъ словъ собора, бывшаго 20 іюня 1584 года. Въ грамотѣ говорится: «Совѣтовались мы и порѣшили чтобы впередъ тарханамъ не быть;

1) Иногда это отношеніе еще увеличивалось. Напр. въ Горетовомъ станѣ Московскаго уѣзда въ 1586 г. подъ помѣстьями и вотчинами было 5780 четвертей пахатной земли; порожней и оброчной земли, находившейся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ правительства, было 8639 четв.; а церковныхъ земель — 9422 четверти. См. Приправоч. книга по Москов. уѣзду; Временникъ, № 13.

земли митрополичьи, архієпископскія, владычны и монастырскія въ тархахъ никакой царской данн и земскихъ разметовъ не платять, а воинство, служилые люди эти земли оплачиваютъ; оттого большое запустѣніе за воинскими людьми въ отчинахъ ихъ и помѣстьяхъ; а крестьяне, выйдя изъ-за служилыхъ людей, живутъ за тарханами въ льготѣ, и отъ того великая нищета воинскимъ людямъ припала. И потому, ради великихъ нуждъ и тщеты воинскихъ людей, мы уложили и т. д. (Соб. гос. гр. I, № 202). Однако духовенство слишкомъ эгоистически относилось къ общественнымъ нуждамъ. Всѣ богатства страны сосредоточились въ монастыряхъ (Fletcher, I, 125, 126). Однѣ Троицкіе монастыри извлекали изъ своихъ земель и привилегій 100,000 руб. годового дохода (Fletcher, II, 97); а когда Іоаннъ Грозный произвелъ поборы на духовенствѣ, то нѣкоторые епископства и монастыри въ состояніи были уплатить 40,000, 50,000 и даже 100,000 руб. (Fletcher, I, 127). Горсей же говоритъ вообще, что Іоаннъ получилъ только деньгами 300,000 стерлинговъ, не считая земель и недвижимой собственности (О Московіи). Между тѣмъ, на заявленіи правительства о государственныхъ потребностяхъ, духовенство отвѣчало только напоминаніемъ о неприкосновенности своихъ правъ. Когда Іоаннъ III предложилъ Московскому собору (1503 года) на обсужденіе вопросъ о причисленіи имуществъ духовенства въ вѣдѣніе государства, желая надѣлать ими несостоятельныхъ служилыхъ людей, то духовный соборъ отвѣчалъ ему, что «святители и монастыри отдавать ихъ не благоволятъ, потому что всѣ эти пріобрѣтенія церкви суть Божіи». Это противодѣйствіе духовенства, въ виду самыхъ необходимыхъ нуждъ общества, лучше всего характеризуется въ рѣчи Іоанна Грознаго, прикрытой, правда, самыми благими попеченіями царя объ общей нуждѣ, отъ которыхъ онъ такъ же былъ далекъ, какъ и тѣ, къ которымъ онъ относился; во все-таки самая рѣчь, высказанная въ глаза, можетъ служить свидѣтельствомъ о положеніи дѣла. Іоаннъ требовалъ у духовенства пожертвованія во имя «вопьющей необходимости и печальнаго положенія народа». Оно оттягивало; тогда онъ, солгавъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ духовныхъ сановниковъ и пасторей, сказалъ имъ: «Мы извѣщены о вашихъ совѣщаніяхъ и о томъ, на что вы рѣшились... Трогательное извѣстіе о бѣдствіяхъ государства и нуждахъ моего народа, о печальномъ исходѣ многихъ дѣлъ—не возбудили въ васъ сожалѣнія и не смягчали васъ.... *Дворянство и народъ вопіетъ къ намъ съ*

своими жалобами, что вы, для поддержанія своей іерархіи, приспосабливаете всѣ сокровища страны, торгуете всякаго рода товарами, налагаете и берете мыты съ протѣжнихъ всякаго званія людей, пользуетесь привилегіями, не платите нашему престолу ни пошлинъ, ни военныхъ издержекъ, застрахали робкую совѣсть лучшаго и полезнѣйшаго класса нашихъ подданныхъ и захватили себѣ въ собственность третью часть, какъ оказывается, городовъ, посадовъ и деревень нашего государства.... Весь мой нѣкогда зажиточный народъ обдѣлать чрезъ ваши грабежи и дѣвольскіе обманы, тогда какъ вы должны были возстановлять и поддерживать дѣйствующее состояніе земства.... Ваши доходы далеко превышаютъ то, что обыкновенно вы можете истратить при вашемъ роскошномъ и расточительномъ образѣ жизни. Такъ какъ мое дворянство и служилые люди чрезъ все это въ упадкѣ и наша казна истощена, то мы, по тайному вдохновенію святыхъ душъ чудотворцевъ, которымъ вы служите и обязаны многочисленными богатствами, которыя у васъ лежатъ и не употребляются на духовныя нужды.—именемъ ихъ, какъ равно именемъ душъ вкладчиковъ, а заклиная васъ и повелѣваю вамъ, чтобы вы въ назначенный день собрали и доставали вѣрнѣйшій и точнѣйшій инвентарь всѣхъ сокровищъ и годоваго дохода, получаемаго каждою вашею обителью отъ всего, что за нею числится во владѣніи. Нужда не позволяетъ никакихъ отсрочекъ, ни извиненій.... Нужда и польза требуютъ, чтобы эти массы сокровищъ были употреблены на защиту нашего государства. Король Польскій и Литовскій, король Шведскій и король Датскій сговариваются между собою; наши мятежники соглашаются съ Крымомъ. Пусть уши и очи будутъ свидѣтелями исполненія нашего долга передъ Богомъ и его ангелами, что мы побуждали васъ, именемъ ихъ бѣднаго и разореннаго народа, ради нужды искупленія и сохраненія всѣхъ васъ; мы принуждены были такъ усиленно ходатайствовать и умолять, чтобы вы вовремя помогли ихъ несчастному положенію тѣми средствами, которыя у васъ въ рукахъ».

«Но, говоритъ Горсей, епископы, настоятели и игумены, въ большомъ уныніи, в порознь искали средствъ, придумывали вмѣстѣ съ недовольнымъ дворянствомъ какъ бы поворотить дѣло и вести оппозицію» (О Московіи). Мы уже разъ указывали, что в одну изъ главныхъ причинъ паденія перваго Самозванца было его распоряженіе объ отобраніи монастырскихъ имуществъ. Духовенство продолжало стоять на своемъ. Сытый голоднаго не понимаетъ, говоритъ русская пословица.

Вотъ тѣ результаты древне-русской цивилизаціи, отъ которыхъ дѣйствительно страдало русское общество, и которые уже вполнѣ обнаружались въ разсматриваемую нами эпоху.

IV.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ-то настроеній въ Россіи, въ XVI вѣкѣ, въ небольшомъ кружкѣ лицъ, пробуждается реакція установившемуся общественному порядку. Дѣтелями ея были: князь Вассіанъ Патрикевъ-Косой, Оеодосій Косой, Матвій Башенинъ и князь Курбскій. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что на ихъ мнѣнія оказало большое вліяніе Максимъ Грекъ, дѣятельность котораго мы подробно разсмотримъ въ особомъ трудѣ (сюда относятся IX и X главы II вып.); но онъ все-таки еще остается въ положеніи обличителя, для котораго главное — обнаруженіе общественныхъ недостатковъ и караніе ихъ однимъ словомъ. Правда, обличенія Максима Грека захватываютъ уже слишкомъ далеко и обращаются даже въ личную сатиру, что и придаетъ имъ важное историческое значеніе; но онъ не плетъ дагѣе постановки вопросовъ и намѣчиванья тѣхъ пунктовъ, съ которыхъ слѣдовало бы начать дѣло. Вотъ почему и такіе консерваторы, какъ дѣтели Стоглаваго собора, и такіе отрицатели, какъ еретики Косой, одинаково хватились за сочиненія Максима; такъ какъ въ нихъ они находили голую дѣйствительность, съ которою можно было раздѣливаться и слезными воззваніями и отрицаніемъ тѣхъ формъ, среди которыхъ она развивалась.

По прибытіи Максима Грека въ Россію, его келья скоро стала мѣстомъ сборища, куда сходились книжные люди «спираться» по дѣламъ книжнымъ и толковать объ общественныхъ пуждахъ, а иногда ихъ бесѣда заходила и до политическихъ обстоятельствъ Россіи. Здѣсь постоянно вращались: князь Иванъ Токмаковъ, Василій Михайловичъ Тучковъ, Иванъ Даниловичъ Сабуровъ, Юрій Тютинъ, князь Пётръ Шуйскій, князь Андрей Хомяскій, князь Андрей Курбскій. Иванъ Някитичъ Беклемишевъ-Берсень (бывшій близкимъ лицомъ при Иванѣ III), дьякъ Жареній, бояринъ Оеодоръ Карповъ (который даже Максима укорялъ за строгій приговоръ «паукамъ вѣшнымъ»), Димитрій Герасимовъ, Никъ Курлятевъ, Зяновій Отеяскій и др. Но самымъ близкимъ лицомъ къ Максиму Греку былъ князь Вассіанъ Косой, раздѣлявшій съ нимъ и его убѣжденія, и его участь.

Князь Вассіанъ былъ сынъ литовскаго князя Ивана Юрьевича Патрикѣва, служившаго Ивану III, и въ мірѣ назывался Василиємъ. Иванъ Юрьевичъ считался потомкомъ Олегерда и былъ родной племянникъ Темнаго, сынъ дочери велик. князя Василия Дмитріевича—Марин. Ему принадлежало первое мѣсто въ числѣ бояръ іоанновыхъ, но это не спасло его отъ сграшной опасности. По дѣлу о преемникѣ Іоанна III, Иванъ Юрьевичъ съ зятемъ своимъ Симеономъ Риполовскимъ держали сторону внука Іоанна—Дмитрія и его матери Елены. Сначала восторжествовала ихъ партія, но когда, по повелѣнію доносомъ, Іоаннъ счелъ себя обманутымъ, то, возвративъ прежнее расположеніе къ своей супругѣ Софіи и сыну Василию, жестоко началъ па прежнихъ своихъ любимцевъ. Патрикѣвъ съ двумя сыновьями и зятемъ были осуждены на смертную казнь: князю Риполовскому отсѣки голову на Москвѣ-рѣкѣ, а Патрикѣвы были спасены отъ смерти благодаря только ходатайствамъ митроп. Симона и пѣкогорыхъ епископовъ. За то они принуждены были постричься въ монахи. Иванъ Юрьевичъ поселился въ Троицкомъ монастырѣ, а сынъ его Василий, въ монашествѣ Вассіанъ, отпирался въ Кирилло-Бѣлозерскую обитель. Тамъ онъ, по словамъ Курбскаго (Сказанія, стр. 4 и 5), «такъ жестоко и свято житіе препровождалъ, что уподобился великому и славному древнему Антонію». При Василии Іоанновичѣ онъ былъ приближенъ и жилъ въ Симеоновомъ монастырѣ. Его Василий полюбилъ «ради бесѣды душевныя» и однажды откровенно высказать ему это. «Я, говорилъ Вассіану вел. князь, не находилъ еще такого собесѣдника какъ ты для меня, ты подпора мои державѣ, умягченіе сердца, утоленіе гнѣва, веселіе моей бесѣды, обогащеніе души, вѣтеръ, разбѣгающій мои скорби, наставникъ нелицемѣрной любви и братолюбія» (О сочетаніи втораго брака Василия Іоанновича, Палсіа; въ Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 8, стр. 2). И въ каковъ снѣ былъ сначала при Василии князь Вассіанъ—видно изъ словъ Медоварченя. По поводу одного обвиненія, онъ на соборѣ замѣчалъ митроп. Данилау: «А я, господние, боялся послушаться князя Вассіана, потому что онъ былъ великій временной человѣкъ (временщикъ), у великаго князя ближній, и я какъ и государя не боялся, какъ его боялся и слушалъ» (Чтен. Моск. общ. ист. № 7 1847 г. Преп. митроп. Дан. съ Максим. стр. 11). Даже пища, хлѣбъ и вино доставлялся Вассіану съ княжескаго сто а. Зяновій Отелска, въ монашеской одеждѣ, за рѣзкіи обличенія Вассіаномъ монастырской жизни, хотѣлъ заподо-

зрѣть его нравственность тѣмъ, что онъ ѣлъ лучшія блюда, пилъ хорошія вина и имѣлъ болѣе удобствъ въ жизни... Но подобная мѣрка конечно не идетъ къ оцѣнкѣ достоинствъ человѣка (Ист. Рос. Іерархіи, II, стр. XXX). Около 1516 года Вассіанъ составилъ сборникъ церковныхъ правилъ, а съ прибытіемъ Максима Грека на него былъ возложенъ надзоръ въ переводномъ дѣлѣ. И въ этомъ случаѣ онъ принималъ большое участіе, такъ что и переводчики, и лица, интересовавшіяся переводами, обращались къ нему за разрѣшеніемъ недоумѣній (Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 9: Преніе митр. Данила съ Вассіанъ стр. 1, 2; № 8: О сочетъ втораго брака, стр. 4; № 7: Прен. митр. Дап. съ Макс. Грек.). На Максима же Грека самъ Вассіанъ смотрѣлъ какъ на непреерекаемый авторитетъ. Одному изъ сотрудниковъ въ переводахъ — Медоварцеву, онъ говорилъ такъ: «а ты слушай меня, Вассіана, да Максима Грека, и какъ тебѣ велитъ писать или заглаживать Максимъ — такъ и дѣлай. А здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила здѣшнія — кривыя, а не правила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили и не молили: и теперь Бога познали Максимомъ и его ученіемъ» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847. № 7, стр. 10).

Впрочемъ Вассіанъ не былъ книжникомъ въ русскомъ духѣ, которые боялись вносить въ свои книги и понятія что нибудь сверхъ церковнаго элемента. Даже въ своихъ правилахъ, онъ, въ числѣ постановленій отцовъ церкви, помѣстилъ наставленія Гомера, Аристотеля, Платона и другихъ греческихъ мудрецовъ (Чтен. Моск. общ. ист. 1847 г. № 9, стр. 7). Уже въ XIV вѣкѣ, подъ влияніемъ церковныхъ нестроений, развилось у насъ критическое отношеніе къ церковнымъ вопросамъ. Это мѣстное броженіе въ XV вѣкѣ отразилось въ известной ереси жидовствующихъ, а потомъ, какъ справедливо объясняетъ г. Косогомаровъ (Историч. монографіи, I. Великорусъ вольнодумцы XVI вѣка, стр. 432), вслѣдствіе вывода и разселенія новгородцевъ, распространилось по всей Руси и произвело рядъ явленій, болѣе или менѣе сходныхъ между собою въ сущности, отличныхъ въ подробностяхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ по вѣроученію и приложенію къ дѣлу. Оно проникло даже въ монастыри на сѣверъ и въ Заволжье. При Василии Іоанновичѣ слѣды ереси жидовствующихъ были еще очень замѣтны (Древн. Рос. Вѣдѣніе XVI, 423, 424; Дополн. къ Ист. Акт. I, № 25). А изъ сочиненій Максима Грека видно, что и въ его время были распространители (напр. пѣкто Исаакъ) и послѣдователи явнѣйшіе

этих еретиковъ (Сочин. Максима, Прав. Соб. 1859, мартъ, 39, 59. 51; 1860, слово XXII и XXIV, и паше объясненіе въ соч. «Максимъ Грекъ». Вып. I. 180—183). Подъ влияніемъ же этихъ толковъ пробылось потомъ умствованіе Θεодосія Косаго. Такое преемственное явленіе еретическихъ мнѣній показывается, что самое броженіе постоянно существовало въ обществѣ. Оно коснулось также и Вассіана Косаго.

Въ это время порча книгъ на Руси достигла крайняго предѣла; только немногія изъ нихъ оказались годными къ употребленію. Самое духовенство было несвѣдуще въ книжномъ ученіи и тѣмъ подрывало довѣріе къ себѣ. Стало высказываться мнѣніе, что духовные, если и наставляютъ мірянъ, то дѣлаютъ это ради собственнаго прибытка (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859. № III, стр. 14). Народу нужень быть авторитетъ книгъ: послѣдователи Θεодосія Косаго называли его учителемъ потому только, что онъ училъ по книгѣ; они вѣрили его словамъ потому, что онъ объяснялъ книгу и давалъ ее открыто всѣмъ читать (Истинны показаніе Зяновія, Прав. Соб. 1863 г. янв. 12, февр. 42, 49). Мало того, духовенство стало подозрѣвать въ умысленномъ скрытіи и порчѣ книгъ. Такъ Θεодосій Косой говорилъ: «дѣлѣ въ монастыряхъ столповыя книги (Ветхаго Завета) лежать по-прятаны и запечатаны и не даютъ ихъ читать, тая отъ людей, а столповыя книги слѣдуетъ читать» (Истинны показаніе, сентябрь, стр. 208). А Вассіанъ открыто обличалъ, что «цари не знаютъ и не внимаютъ того, что *многіе книжники изъ монаховъ*, по дьявольскому умысленію, изъ святыхъ божественныхъ книгъ и изъ житій святыхъ выключаютъ мѣста, и изъ книгъ преподобныхъ и святыхъ отцевъ выкрадываютъ писанія, и на ихъ мѣсто въ тѣ же книги вносятъ лучшее и вписываютъ полезное себѣ, свидѣтельствуя какъ-будто это подлинно было святыхъ писаніе» (Разсужденіе о непримѣнн. монаст. владѣть вотчинами, Чтен. Моск. общ. ист. 1859 г. № III, стр. 6). Понятно послѣ этого, что вслѣдствіи книжничества, мало-мальски мыслящій, долженъ былъ самъ искать разрѣшенія своихъ недоумѣній. Такъ и было:—еретики брались за книги и толковали ихъ такъ, какъ говорили имъ простой смыслъ. Подъ такимъ же впечатлѣніемъ, и изъ опыта зная до какого искаженія въ это время были доведены книги, Вассіанъ открыто заподозрѣлъ ихъ достоинство: «и дѣшныя книги, говорилъ онъ, всѣ лживыя, правила дѣшныя кривыя, а не правила». И когда ему замѣтилъ Медоварцевъ

что «русскія книги переведены съ греческихъ и потому писаны отъ Святаго Духа, святыми апостолами и отцами церкви», то онъ рѣзо отвѣчалъ: «отъ діавола писаны, а не отъ Св. Духа» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 7, стр. 11 и 12). Кодексъ знаній древне-русскихъ княжннковъ заключался въ священномъ писаніи, а потому по преимуществу на него и было обращено ихъ отрицаніе. Такъ представители жидовствующей ереси, выступая на поприще полемики, запаслись такими книгами священнаго писанія или имѣющими къ нему ближайшее отношеніе, какихъ не могли добыть и представители русской церкви; Банкины, волнуемый житейскими сомнѣніями, отмѣчалъ въ своемъ Апостолѣ всѣ мѣста, требовавшіе, по его мнѣнію, серьезнаго разрѣшенія, — и такимъ образомъ онъ измѣтилъ всю книгу; Θεодосій Косой въ особенности совѣтовалъ читать Ветхій Завѣтъ, думая найти тамъ лучшее подтвержденіе своему ученію о единобожіи. Такія же недоумѣнія при чтеніи священныхъ книгъ рождались, какъ видно, сначала и у Вассіана. «Однажды, говоритъ старецъ Досвѣей, позваъ меня Вассіанъ въ келью (уже въ Симоновомъ монастырѣ) и далъ мнѣ толковое Евангеліе недѣльное о Самарянѣхъ, гдѣ было написано: «тварь поклоняется твари». и сказать мнѣ: «эту строку я. еще живя въ пустынѣ, разыскивалъ». Потомъ я сталъ смотрѣть ее въ церкви, а онъ пришелъ ко мнѣ и молилъ: «что-де ты смотришь?» Я ему говорю: вчерашнюю строку, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: «покинь, Христосъ-де самъ тварь, твари поклоняется тварь». И тогда я ему не возразилъ. А онъ опять пришелъ ко мнѣ и крикнулъ: «дьявольскимъ-де духомъ писано». Потомъ снова въ церкви сталъ говорить мнѣ: «какъ твой Іосифъ писалъ, что на семи соборахъ отцы святыи Духомъ писанъ, мой-де старецъ Нилъ того не писалъ». Да послѣ ефимона со мною сталъ говорить: «Богъ-де молвилъ къ себѣ: сотворимъ челоуѣка по образу нашему»; а я ему отвѣчалъ: «такъ еретики говорятъ; когда бы къ себѣ молвилъ, то сказать бы: сотворю челоуѣка по образу моему, а то онъ говорилъ къ Сыну и Духу: сотворимъ челоуѣка по образу нашему. И Вассіанъ замолчалъ, видя, что во мнѣ ему нѣтъ части» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 9, стр. 10).

Но изъ послѣдующей дѣятельности Вассіана видно, что взгляды его далеко измѣнились, и это скорѣе всего могло произойти подъ вліяніемъ Максима Грека, о которомъ онъ самъ говоритъ: «нынѣ мнѣ Бога познаи Максимомъ и его ученіемъ». Хотя и послѣ этого Вассіанъ не

выполнивъ отступился отъ своихъ личныхъ убѣжденій. Онъ открыто не хотѣлъ признавать нѣкоторыхъ лицъ святыми. Такъ уже въ 1531 году, на соборѣ, созванномъ противъ него, митроп. Даниилъ замѣчалъ ему: «Да ты Вассіанъ говорилъ про чудотворцевъ: господи, что это за чудотворцы? Говорятъ въ Колязньѣ Макаръ чудеса творить, а мужикъ былъ сельской». И Вассіанъ на это отвѣчалъ: «я его зналъ, простой былъ человѣкъ, а чудотворецъ онъ былъ или нѣтъ—это какъ намъ угодно». Потомъ опять митрополитъ сказалъ ему: «Вотъ всѣ православные поклоняются честному гробу и святымъ мощамъ Іоны чудотворца, митроп. всея Руси, а мы слышали отъ многихъ достовѣрныхъ людей, что ты де Вассіанъ одинъ только не поклоняешься ему и не почитаешь его, какъ слѣдуетъ почитать святыхъ». И Вассіанъ снова отвѣчалъ: «я не вѣдаю—де — Іона чудотворецъ—ли?» (Чтен. Моск. общ. вст. 1847 г. № 9, стр. 11). И въ то самое время, когда представители русской церкви требовали и предавали казни еретиковъ, когда даже Максимъ Грекъ писалъ о томъ же увѣщательное посланіе къ православному собору (Просвѣтителъ Іосифа Волокол. стр. 591, посланіе къ Нифонту, Чтен. Моск. общ. 1848, № 1, стр. 7; Ак. Арх. Экспед. I, № 380; Соч. Макс. Гр. Прав. Соб. 1859, мартъ, 51) — Вассіанъ Косой рѣзко заявлялъ свой голосъ противъ этой мѣры. Защитниковъ ея онъ называетъ лишенными здраваго смысла и обремененными мірскою гордостью. Они опирались на примѣры древнихъ ревнителей (Моисей, Ілію, Финееса)—Вассіанъ, за всякое добавленіе къ новозавѣтнымъ постановленіямъ, угрожаетъ страхомъ проклятій; Іосифъ Волоколамскій совѣтовалъ при этомъ не обращать вниманія даже на показавшихся еретиковъ—Вассіанъ такихъ лицъ, потерявшихъ наказаніе, называетъ мучениками (Полемяч. сочин. Вассіана. Прав. Соб. 1863 г. окт. стр. 198, 199, 201—204). Не даромъ же за свои порицанія этихъ церковныхъ авторитетовъ онъ заслужилъ названія «безстыднаго и дерзкаго» (Полемяч. сочин. тамъ же, стр. 182, 188). И этого-то человѣка выступалъ теперь на борьбу съ іерархическими интересами.

Его дѣятельность въ этомъ отношеніи сосредоточивается: 1) на вопросѣ о церковныхъ имуществѣхъ, и 2) на правѣ вышатательства духовенства въ дѣла свѣтскія.

Уже на соборѣ 1503 года, по поводу преній объ отнятіи монастырскихъ имуществъ, образовалось двѣ враждебныхъ партій по взгляду на это дѣло. Въ пользу отобранія имуществъ ратовалъ строгій блю-

ститель пустынножительства — Нилъ Сорскій, и его поддерживали бѣло-верскіе пустынники; такъ какъ, по ихъ взгляду, идеалъ монашества представлялся въ строгомъ отшельничествѣ, а потому и монахи должны были кормиться собственнымъ трудомъ. Во главѣ противной стороны стоялъ Іосифъ Волоколамскій, поддерживаемый большею частью членовъ духовнаго собора. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ въ видахъ чисто-іерархическихъ интересовъ. На соборѣ онъ говорилъ: «если у монастырей селъ не будетъ, то какъ честному и благородному человеку постричься? а если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополию, епископію и на всякія честныя власти? и если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, тогда вѣрѣ будетъ колебаніе» (Объ отнош. инокѣвъ Іосифов. и Кирилловс. монаст.. въ Твор. св. отц. годъ IX, кв. 3). Мнѣніе Іосифа восторжествовало надолго. Но борьба партій не утихла. «Какъ не стало, говорить одно сказаніе, старца Нила, тогда ученикъ его князь Вассіанъ Косой началъ сильно поборать за него, чтобы у монастырей не было селъ, а къ нему присоединялись и другіе старцы, а также и святогорцы» (Максимъ Грекъ, Савва и др.) (тамъ же). А Іосифъ Волоколамскій приписываетъ князю Вассіану даже инициативу въ этомъ дѣлѣ, возобновленіемъ при Василии Іоанновичѣ. Вассіанъ пустынникъ, говорятъ онъ, для того пришелъ на Москву, чтобы научить великаго князя и благородныхъ людей—селъ отнять у монастырей. И самъ Вассіанъ на это замѣчаетъ: «Въ этомъ, Іосифъ, ты не лжешь, что я велю велик. князю селъ отнимать у монастырей. А я пишу и говорю правду». Борьба мнѣній по вопросу о монастырскихъ имуществѣхъ привела обѣ партіи къ страшному антагонизму въ самой жизни. Іосифъ Волоколамскій завѣщалъ своимъ ученикамъ, чтобы они не имѣли никакихъ сношеній съ учениками Нила и Вассіана, чтобы избегали съ ними дружбы и совѣтовъ, и даже запрещалъ сожителство съ ними (Полемяч. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, окт. стр. 207, 209). Противная сторона держала себя такъ же. Хотя Вассіанъ и упрекалъ за это Іосифа, но самъ же онъ на соборѣ говорилъ митроп. Даниилу: «старцы Іосифова монастыря у меня и въ кельи не бывали; я ихъ къ себѣ не пускаю и дѣла мнѣ до нихъ нѣтъ» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № IX. стр. 10). Будучи безусловнымъ противникомъ Іосифа въ мнѣніяхъ по некоторымъ церковнымъ вопросамъ, возбужденнымъ въ то время. Вассіанъ написалъ даже отдѣльное «слово на Іосифа», въ которомъ

въ диалогической формѣ (лица: Вассіанъ и Іосифъ) дѣлаетъ возраженія на всѣ эти мнѣнія. Здѣсь онъ опровергаетъ необходимость казни еретиковъ, запрещеніе служить вдовымъ понамъ, порицаетъ обыкновеніе украшать церкви и особенно касается вопроса о монастырскихъ имуществвахъ. Еще при жизни Іосифа, ученики его—почитали его какъ святаго. Вассіанъ сильно напасть за это на Іосифа, тѣсно связывая самое почитаніе съ его мнѣніями. «А ты, Іосифъ, писалъ онъ, называешь себя святымъ и чудотворцемъ и будто-бы получать даръ пророчества, и ученики твои о тебѣ то же проповѣдываютъ; вѣтъ, ты преступникъ заповѣдей божіихъ. О такихъ чудесахъ и ложныхъ знаменіяхъ въ 43-мъ словѣ книги Никона (Черногорца) написано: «это бѣсовскія чудеса и знаменія..... и намъ не слѣдуетъ въ нихъ вѣрить» (На Іосифа игумена Волоцкаго, Прав. Соб. 1863, огл. 200—210).

До сихъ поръ Вассіанъ относился къ монастырскимъ имуществамъ, оставаясь вѣрнымъ завѣщанію своего учителя, Нила Сорскаго. Но кромя такого отношенія къ этому вопросу, вытекавшего изъ самаго взгляда на монашество, у Вассіана самое отрицаніе монастырской собственности слагалось еще и подъ впечатлѣніями печальной дѣятельности. Въ этомъ случаѣ Вассіанъ выходитъ уже на путь обвинителя. Общій мотивъ его обвиненій, направленныхъ противъ монастырской жизни, тотъ же что и у Максима Грека. Это—представленіе контраста между удовольствіями и роскошью, какимъ предавались монахи, и бѣдственнымъ состояніемъ ихъ крестьянъ, забытыхъ и забытыхъ своими владѣльцами.

«Мы, говоритъ Вассіанъ, многогрѣшные и прегрѣшные явояи, возлюбивъ янчество и отрекшись этого міра и всего, что въ немъ, носимъ на себѣ только образъ янчества. Въ янческомъ образѣ мы строимъ себѣ каменныя ограды и палаты, позашенныя узорами съ травами многоцвѣтными, украшаемъ себѣ въ кельяхъ царскіе чертоги и беремъ съ міра все лучшее, и покоимъ себя пьянствомъ и пищею, достигающею намъ отъ рукъ труждающихся на насъ. Мы, по зависти, лишаемъ мірянъ лучшей нищи: а по справедливости лучшая пища и питіе принадлежать мірянамъ, работающимъ на насъ, а не намъ янокамъ, не намъ и еще скажу не намъ.... О безумные и заблудшіе мы пьяницы, угождающіе только мамонтъ!.... Нынѣ мы, окаянные, только возвышаемся и превозносимъ себя выше собственныхъ дѣлъ. По своему малодушію, мы держимъ у себя волости съ крестьянами, властвуемъ

падь ними и показываемъ на нихъ только свое немилосердіе, злобу и всякую неправду, а тому и не внимаемъ, какъ избѣжать этого міра и его суеты. и чтобы еще намъ на братію трудиться. Трудящихся и мѣряя намъ слѣдуетъ питать, и отдавать имъ лишнее и необходимое; потому что они всегда съ радостью на насъ трудятся и насъ, иноковъ, питають добровольными и обильными трудами. Они во всемъ повинуются намъ, а мы, окаянныя, лишамъ ихъ собственной пищи, какъ невѣрныхъ иноземцевъ и прочихъ поганныхъ. Читай житія преподобныхъ и пустыяниковъ—они творили только благія дѣла и питались обычной пищею и питіемъ, а какія ризы носили! развѣ они накаплили гдѣ на крестьянскія слезы и отнимали что нибудь лжами и насильствомъ?... много-ли оставилъ они золота, серебра и дорогихъ матерій?. А мы окаянныя и многогрудные иноки обогнали всемілостиваго Спаса, принявъ этотъ образъ и назвавшись иноками; да, мы иноки, да только не на иноческую добродѣтель, а на всякую злобу иноки. И сверхъ монастырской казны еще крадемъ, всякій себѣ особо, и не знаемъ кому это изъ иноковъ достанется. Мы запасаемся золотомъ, серебромъ и дорогими вещами; мы держимъ для трапезы разные крѣпкіе и сладкіе напитки и пищу на многихъ блюдахъ и мисахъ... Но пусть будетъ извѣстно всему міру—это новая ересь, чтобы и инокамъ владѣть крестьянами, судить ихъ, отдавать на поруки и посылать по нимъ приставовъ изъ иноковъ же; да къ тому еще и пытаются мірскими слезами» (Чтен. Моск. общ. вст. 1859 г. № III, Разсужд. Вассіана, стр. 7, 9, 10, 11, 13). «Мы, побужденные сребролюбіемъ и ачностію, различными способами оскорбляемъ убогихъ братій нашихъ, живущихъ въ нашихъ селахъ, налагая на нихъ лесть на лесть и лихву на лихву, и нигдѣ не обнаруживая даже милости, такъ что, если кто изъ нихъ не можетъ отдать лихвы (процента), то мы безъ сожалѣнія лишамъ ихъ и послѣдняго имущества: отнимаемъ у нихъ коровку и лошадку, а самихъ ихъ съ женами и дѣтьми, какъ будто-бы поганныхъ, изгоняемъ далеко отъ своихъ предѣловъ; другихъ же еще предаемъ въ руки княжеской власти и такимъ образомъ доводимъ до конечнаго истребленія. Намъ позволѣно для усовершенствованія изъ добродѣтели и свое раздавать нищимъ, а мы, какъ будто ополчаясь противъ заповѣдей, обижаемъ, грабимъ и продаемъ крестьянъ, братій нашихъ, и безъ милости истязуемъ ихъ бичемъ, бросающъ на нихъ, какъ дикіе звѣри бросаются на тѣла (Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, сентяб. 109, 110).

Какая польза тѣмъ благочестивымъ князьямъ, которые принесли свои имѣнія Богу (т. е. пожертвовали въ монастырь), когда вы неправедно и съ лихоиманіемъ управляете ими. Сами вы богатѣете и ищаетесь безмѣрно и сверхъ мнѣшеской потребности, а братія наша, работающіе вамъ на селѣхъ крестьяне, живутъ въ крайней нищетѣ, и если не удовлетворяютъ вашей прихоти или не въ состояніи отдать вамъ лишку—тогда, увы! бываютъ изгнаны изъ селъ вашихъ нагіе и избитые..... Вы, по своему безумію и самолюбію и по неблагодарности въ тѣмъ князьямъ (т. е. вкладчикамъ), весь годовой доходъ берете къ себѣ и одну часть обращаете въ деньги, чтобы отдать въ ростъ, а другую—сохраняете до той поры, когда наступитъ скудость, чтобы продать по высшей цѣнѣ- (Полемич. сочин. Вассіана, октябрь, стр. 184, 188). Однимъ словомъ, замѣчаетъ Вассіанъ, что и цари не бывають такъ свирѣпы, какъ иноки (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 4).

И представители духовенства въ этомъ случаѣ нисколько не уступали своей меньшей братіи «Ныѣшніе святители, говоритъ Вассіанъ, владѣющіе столькими имѣніями и богатствами, заботятся только о безчисленномъ разнообразіи одеждъ и пищи, и не имѣють никакого попеченія о своихъ братьяхъ-крестьянахъ, погибающихъ отъ холода и голода.... Ибо кто въ состояніи передать роскошь и украшенія ныѣшнихъ архіереевъ?... И сколько предъ ними стоятъ богато-убравшихъ слугъ, готовыхъ на всякое малое вѣдѣніе владыкъ своихъ! Сверхъ того эти святители завели еще у себя «множество батононосныхъ», которые бьютъ, мучатъ и различнымъ образомъ оскорбляютъ священниковъ и мірянъ, ищущихъ суда у своихъ владыкъ» (Полемич. сочин. Вассіана. Прав. Соб. 1863 г. октяб. стр. 192, 193, 194, 196). Въ это время угнетеніе духовенствомъ своихъ крестьянъ достигло уже такихъ размѣровъ, что Вассіанъ угрожалъ скорымъ запустѣніемъ волостей и крестьянскихъ жилищъ, насильственными убійствами и уменьшеніемъ народонаселенія, если только правительство не въ состояніи будетъ сдерживать этого зла (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 5). И въ образецъ этимъ роскошнымъ монахамъ онъ ставилъ строгое отшельничество «Много было, говоритъ Вассіанъ, отъ начала вѣка иноковъ, которые бѣжали отъ шумной жизни ради душевнаго спасенія; они убѣгали отъ славы, отъ всей прелестьи этого міра и отъ богатства въ пустыни и въ пропасти для душевнаго спасенія,

а не для славы и для суеты этого міра..... и намъ Господь также повелѣтъ держать этотъ обычай и вести такой же образъ жизни... А тѣ иноки, которые не хотятъ кормиться своими трудами, но накупаются на мірскія слезы и хотятъ быть сытыми отъ царя по своему ложному челобитію,—тѣ иноки не богомольцы, но икоборцы- (тамъ же, стр. 3 и 7).

За такую страсть монаховъ къ мірскимъ стяжаніямъ, Вассіанъ наравѣтъ не только ихъ, но и царей, допускающихъ это въ своемъ государствѣ. »Цари, по своей простотѣ, говоритъ онъ, отвращаютъ иноковъ отъ душевнаго спасенія и вводятъ ихъ въ великую и безконечную погибель, вѣря ихъ ложному челобитію..... Цари—Христу противники, иноковъ жалуютъ и даютъ имъ свои царскія вотчины, города, села и волости съ крестьянами, и отдаютъ изъ міра, отъ христіанъ своихъ, какъ отъ цевѣрныхъ и отъ песовныхъ, все лучшее въ монастыри инокамъ.... а то царское небреженіе и простота несказанная, чтобы инокамъ владѣть селами и волостями съ крестьянами, міръ судить, посылать за крестьянами приставовъ изъ иноковъ и допускать ихъ пшывствовать и питаться мірскими слезами.... Еслибы многіе иноки, по царской простотѣ, не выписывали и не выкрадывали изъ книгъ подлиннаго писанія святыхъ отцевъ и не приписывали бы въ нихъ о пипцахъ и о всемъ полезнаго себѣ, да еслибы не простовали дари, великіе князья и всѣ люди, то они знали бы истинное писаніе святыхъ отцевъ. Цари же и всѣ люди по своему разуму дарятъ инокамъ села и волости съ крестьянами, думая угодить чудотворцамъ и святому мѣсту, и дарятъ еще лучшія, а не разсудить того, что имъ слѣдуетъ питать иноковъ урочною и годовою милостынею, а не волостями съ крестьянами..... (тамъ же, стр. 6, 7, 14). Будучи строгимъ блюстителемъ церковнаго нестяжанія, Вассіанъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ своему наставнику Нилу, не допускаетъ даже никакого украшенія въ церквахъ. Онъ говоритъ, что не слѣдуетъ церквей и иконъ украшать золотомъ и серебромъ, а также не слѣдуетъ имѣть въ церквахъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ; потому что лучше раздать богатство нищимъ и убогимъ, нежели украшать церкви. »Церковное украшеніе, прибавляетъ онъ, пропадаетъ отъ огня и расхищается варварами и ворами, а то, что дается нищимъ, и дьяволъ не можетъ украсть» (Полемиц. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, октябрь, стр. 209). И за это напасть на Вассіана Іосифъ Волоколамскій....

Впрочемъ Вассіанъ не безусловно отрицалъ законность церковной недвижимой собственности. Онъ только хотѣлъ, какъ и Максимъ Грекъ, восстановления первоначальнаго ея назначенія. «А соборнымъ и мірскимъ церквамъ, говорить онъ, церковныя правила повелѣвають держать земли, но только не должны владѣть ими ни епископъ, ни попы. Все церковное богатство долженъ вѣдать экономъ и выдавать изъ него онъ долженъ, съ разрѣшенія епископа и священнаго собора, всему церковному клиру на что потребно, а также отсюда слѣдуетъ помогать нищимъ и убогимъ и на выкупъ плѣннымъ. Для этого-то христолюбцы и приносятъ соборнымъ церквамъ свои имѣнія и богатства. А инокамъ не слѣдуетъ обогащаться и земли держать, потому что они отреклись отъ всего, и это имъ чуждо» (тамъ же, стр. 207).

Другую сторону полемической борьбы Вассіана составляютъ его нападки на сильно разившееся духовное вѣшателство въ свѣтскихъ дѣлахъ. Духовныя лица были тогда лучшими совѣтниками благочестивыхъ правителей и потому имѣли большое вліяніе въ государственномъ управленіи. Они составляли преобладающій элементъ и въ земскихъ соборахъ (Флетчеръ, гл. VIII). Правители въ этомъ случаѣ пользовались тѣмъ вліяніемъ, какое имѣло въ обществѣ духовенство, и потому любили подбирать вокругъ себя такихъ лицъ, которыя вполнѣ сочувствовали ихъ цѣлямъ. Такъ Василій Іоанновичъ особенно покровительствовалъ Волоколамскому монастырю, иноки котораго потворствовали его прихотямъ, за что справедливо напали на нихъ Курбскій. И съ митропол. Данииломъ, тоже ученикомъ этой обители, можно было обдѣлывать всякія дѣла. Но Вассіанъ не остановился передъ силою. Онъ открыто писалъ, что «царямъ и великимъ князьямъ слѣдуетъ совершать дѣла со всѣми князьями, боярами и прочими мірянами, а не съ иноками»; въ противномъ случаѣ «царямъ не слѣдуетъ писаться самодержцами, потому что они управляютъ царствомъ не сами собою и не съ князьями и боярами, но владѣютъ имъ съ непотребными и съ мертвецами совѣтуются»..... «Такой царь, говорить онъ, лучше сдѣлать бы, еслибы снятъ съ себя царскій вѣнецъ и не носилъ царскаго имени, нежелателенъ отворачивать иноковъ отъ душевнаго спасенія... Не съ иноками Господь повелѣлъ царямъ держать царство, города и волости, но съ князьями, боярами и прочими мірянами.... Иноковъ отъ всего мірскаго и суетнаго слѣдуетъ устроить и удалить.... Всѣми дѣлами установлено и повелѣно управлять царю и мірскимъ властямъ, а не святительскому и священ-

ническому чину, которые должны вѣдать только свои духовныя дѣла» (Разсужд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859, № III, стр. 2. 3. 13).

Конечно мысли Вассіана не могли нравиться русской духовной іерархіи. Защитники іерархическихъ интересовъ, въ родѣ Іосифа Волоколамскаго, видѣли въ нихъ только дерзость, которая могла пожалуй привести къ запустѣнію церквей и монастырей (Полемич. сочин. Вассіана, Прав. Соб. 1863, октябрь, стр. 182, 188, 197). Эта же партія и засудила его.

Мы уже объясняли въ другомъ мѣстѣ (Максимъ Грекъ, выпускъ II, глава XI), что причиною паденія Вассіана не было его противорѣчіе Василію Іоанновичу по дѣлу о разводѣ. За это онъ, можетъ быть, только лишился прежняго расположенія вел. князя, а изъ одной грамоты (1526 года, сентяб. см. Ак. Экспед. I. № 173) видно, что, даже послѣ новаго брака Василія (1526 г. 24 янв.) Вассіанъ пользовался у него еще нѣкоторымъ благоволеніемъ. Да и вообще всѣ показанія ссылки Вассіана соединяють уже со вторичнымъ заключеніемъ Максима Грека—въ Тверскомъ монастырѣ. Слѣдовательно, до 1531 года Вассіанъ оставался въ покоѣ (см. Сказанія Курбск. стр. 5; О сочетаніи втораго брака, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 8; Хроногр. Толст. Карамз. VII, прим. 343; Судное дѣло Вассіана, Чтен. Моск. общ. 1847, № 9). Въ осужденіи Вассіана прежде всего проглядываетъ досада духовенства за то, что онъ, простой инокъ, необлеченный никакою іерархическою властью, осмѣлился разсуждать о церковныхъ вопросахъ. Такъ, въ началѣ собора, по поводу составленныхъ Вассіаномъ церковныхъ правилъ, митроп. Даніилъ говорилъ ему: «Какъ осмѣлился ты дерзнуть на это? ты ни апостолъ, ни святитель, ни священникъ; а священное писаніе и божественныя правила воспрещаютъ простымъ людямъ и инокамъ насакивать на священныя правила и церковныя уставы и чины, или учить и составлять что иное, хоть бы оно и доброе было. а тѣмъ болѣе злое; ты же все злое и развращенное глаголешь и составляешь противное святой соборной церкви и православной вѣрѣ». Между тѣмъ на составленіе правилъ Вассіанъ былъ понужденъ предшественникомъ Даніила—Варлаамомъ, который дѣйствительно заботился о церковномъ исправленіи (Чтен. Моск. Общ. ист. 1847, № 9, стр. 2). Точно такой же принципъ немиѣстительства въ церковныя дѣла лицъ, необлеченныхъ духовною властью, былъ высказанъ и митроп. Макаріемъ въ 1554 г., по поводу мнѣній дьяка Висковатова. На соборѣ митроп.

говорилъ ему: «Всякій долженъ знать свой чинъ: овца не должна дѣлать изъ себя пастыря и нога не должна думать, что она голова; но должно повиноваться отъ Бога преданному чину и уши свои отверзать на послушаніе благодати владѣющихъ учительнымъ словомъ; ибо не всѣ пророки и не всѣ апостолы, а потому и міряне да не учатъ заповѣдямъ и да не имѣютъ поползновенія брать на себя санъ учительскій» (Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка, Чтен. Моск. общ. 1847 г. № III, стр. 15; Соборная епитимія). «Вамъ не вѣстно о Божествѣ и божьихъ дѣлахъ испытывать... зналъ бы ты свои дѣла, которыя на тебя положены,—не разроняй списковъ» (тамъ же, Допросъ дьяка Ивана Висковатова, стр. 8). «Этимъ осужденіемъ Висковатова, справедливо замѣчаетъ г. Костомаровъ, проводилось притязаніе, чтобы никто не разсуждалъ, а всѣ повиновались духовенству» (Историч. Монограф. I, Великорус. вольнодумцы XVI в., стр. 451). Но что же написали и говорили злаго Вассіанъ? — Это объясняетъ его судный списокъ.

Дѣло происходило 1531 года 11 мая. На соборѣ присутствовали: митроп. Даніилъ съ архіепископами, епископами и со всѣмъ духовнымъ соборомъ, бояринъ велик. князя Михайло Юрьевичъ и дьяки великокняжескіе.

Мы видѣли, что Вассіанъ, живя еще въ пустынѣ, вдавался въ еретическіе толки, которые потомъ, вѣроятно вслѣдствіе близкаго знакомства съ Максимомъ Грекомъ, были имъ оставлены, и онъ мало по малу примирялся съ религіозными сомнѣніями. Да о нихъ, какъ видно, до сихъ поръ никто и не вспоминалъ. Вассіанъ пользовался самымъ полнымъ довѣріемъ велик. князя и былъ у него «великимъ временнымъ челоуѣкомъ», а это, конечно, болѣе всего могло защитить его отъ монашескихъ доносовъ, тѣмъ болѣе, что по самой жизни онъ былъ вполне безупреченъ. Но Вассіанъ въ своей полемикѣ задѣвалъ слишкомъ щекотливыя стороны жизни духовенства и слишкомъ важный для него вопросъ о монастырскихъ имуществѣхъ. Его ѣдкія нападки слишкомъ кололи глаза роскошному монашеству и такимъ образомъ подготовили ему самому много враговъ, которые выжидали только случая, чтобы сдѣлать ловкое нападеніе. Мало по малу, какъ и часто бываетъ съ временщиками, велик. князь сталъ охлаждать къ своему любимцу. Этому, конечно, много могло содѣйствовать противорѣчіе Вассіана въ дѣлѣ о разводѣ велик. князя, хотя явнаго разрыва тотчасъ

и не обнаружилось. Конечно послѣ этого Вассіанъ долженъ былъ прекратить прежнія частыя посѣщенія великокняжескаго дворца. Тогда враги его почувствовали, что наступаетъ пора ихъ торжества...

За десять лѣтъ до настоящаго собора. Максимъ Грекъ перевелъ съ греческаго Житіе Богородицы, сочиненіе Метафраста, и въ его переводѣ оказались еретическія строки. Одно мѣсто было переведено такъ: «Обрѣтесе убо Іосифъ якова пскаше слова отъ того же колѣна и отчества Дѣвицы. и обручаетъ по совѣщанью іереовъ себѣ отроковицу, *совокупленія же до обрученія бл.*». Другое: «И носимаго въ ней плода утробы преславнѣ нарицаеть, *аки съмени мужеска никакоже причастишеся*». Наконецъ третье: «Тайное отпущеніе устроише Іосифъ, *аки праведенъ сый глаголетъ*». Ясно, что Максимъ Грекъ не могъ допустить еретическихъ мнѣній въ своемъ переводѣ, но дѣло объясняется очень просто. Въ то время онъ также исправлялъ Триодъ и, по неудовлетворительному знанію русскаго языка, долженъ былъ «латинскою бесѣдою говорить толмачамъ своимъ Митѣ да Власу», а потому (какъ мы уже объясняли, см. Максимъ Грекъ, вып II, гл XI) въ переводѣ могли вкратѣться ошибки отъ неточной передачи подлинника. Это видно изъ того, что когда разнесся слухъ о еретичествѣ этихъ строкъ, то сотрудникъ Максима Грека въ переводахъ, Михаилъ Медоварцевъ, въ своемъ экземплярѣ сдѣлалъ исправленія, лучше всего объясняющія самое дѣло. Въмѣсто *совокупленія* онъ написалъ *совѣщанія* (извѣстно, что архіереи совѣщались о Маріи); въ концѣ второй строки онъ написалъ: «*ако съмени мужеска никакоже причастишеся*»: а въ третьемъ мѣстѣ, гдѣ было написано: «*аки праведный глаголетъ*», онъ поставилъ: «*ако праведенъ сый глаголетъ*» (Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № 7, Преніе митроп. Дан. съ Макс. Грек. стр. 7 и 8). Вассіанъ же, какъ мы говорили, имѣлъ близкое отношеніе къ переводному дѣлу, а потому лица, соблазнявшіяся смысломъ первоначальнаго перевода, обращались за разъясненіемъ и къ нему. Онъ совѣтовался съ Максимомъ, но, какъ видно, былъ убѣжденъ и самъ, и Максимъ думалъ, что переводъ не заключаетъ въ себѣ той двусмысленности, которая приводила нѣкоторыхъ книжниковъ къ подозрѣнію въ истинности перевода. Такимъ образомъ въ средѣ ихъ бродили различныя толки. Случилось одному изъ нихъ—чернецу Вассіану Рушанину, прежде жившему въ Чудовомъ монастырѣ, побывать въ Новгородѣ, и онъ, вѣроятно волнуемый религіознымъ сомнѣніемъ, обратился за рѣзрѣшеніемъ

къ архіеп. Макарію, объясняя при этомъ, что онъ уже обращался съ вопросомъ къ Вассіану и Максиму, которые подтвердили правильность перевода. Макарій же нарочною грамотою извѣстить обо всемъ митрополита. Теперь было за что ухватиться врагамъ Вассіана Косаго. Это какъ разъ случилось около времени суда надъ нимъ, а потому вѣроятно и было побудительною причиною къ созванію собора. Къ довершенію бѣды оказалось, что Вассіанъ посылалъ переводъ житія въ Бѣлозерскую пустынь, а когда разнеслись слухи о неправильности перевода, то онъ послать туда же грамоту, чтобы исключили изъ книги еретическія строки. Изъ этого видно только то, что Вассіанъ самъ бросился исправить дѣло, когда оно приняло серьезный оборотъ, но объ этомъ его противники не хотѣли знать. Благо, что было за что задѣяться! Даже его строго-догматическія мнѣнія, высказанныя открыто въ сочиненіяхъ, не были припаты во вниманіе.

Такъ начался судъ. Теперь Вассіану припомнили все прежнее. Его обвинили въ томъ, что онъ похулить здѣшнія правила, называя ихъ кривлями, и говорить будто-бы они писаны отъ діавола, а не отъ Св. Духа (выше мы показали, какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе); что въ свои правила онъ внесъ «ученіе еллинскихъ мудрецовъ», чего доникѣ не бывало; что въ тѣхъ же правилахъ написать краткій символъ вѣры, вместо обыкновеннаго. Но чтобы понять всю недобросовѣстность судей Вассіана, слѣдуетъ припомнить, что онъ составлялъ свои правила за 14 лѣтъ до суда, и они были всѣмъ извѣстны, однако до сихъ поръ ихъ не находили еретическими. А вотъ видимое доказательство того, какъ эти люди хотѣли непременно погубить человека, задѣвавшего ихъ собственные интересы. Митроп. Даліпалъ замѣчалъ Вассіану на соборѣ: «Писано въ правилахъ Кирилла Александрійскаго: если кто не называетъ пречистую Богородицу Дѣвою Марією — да будетъ проклятъ; а ты въ своихъ правилахъ его правлю написать такъ: если кто называетъ Богородицею Дѣву Марію да будетъ проклятъ». Вассіанъ на это только возразилъ: «Я госпожу Богородицу не хую, а то вѣроятно писецъ опасался». Странно — и объ этомъ молчали 14 лѣтъ! въ это время, благодаря грамотности русскихъ переписчиковъ, самыя правила Вассіана могли стать кривлями. Припомнили Вассіану и то, что онъ когда-то сомнѣвался въ строкѣ: «тварь поклоняется твари», называя Христа тварію. Разумѣется, Вассіанъ отказался отъ этого мнѣнія. Обвинителемъ его въ этомъ случаѣ бытъ тотъ іосифовскій старецъ Досіеѣй, которому

нѣкогда пришлось слышать эти слова отъ Вассіана; но вѣдь и онъ молчалъ объ этомъ до тѣхъ поръ, когда уже смѣло можно было обрушаться на сильнаго человѣка; тѣмъ болѣе, что завѣтъ Іосифа Волоцкаго требовалъ преслѣдованія учениковъ Нила и Вассіана, а еще болѣе ихъ самихъ. Мало того, въ этотъ періодъ времени человѣкъ могъ пройти всѣ крайности. Какихъ же религіозныхъ убѣжденій былъ дѣйствительно Вассіанъ — его противники могли это видѣть изъ его сочиненій, которыя, правда, кололи имъ глаза за ихъ недуховныя стремленія. Но всѣ эти обвиненія только приставки около одного общаго пункта, который наиболѣе идеалъ сердца представителей духовнаго собора. Онъ касался вопроса о монастырскихъ имуществѣхъ. И къ нему-то чаще всего обращался митроп. Данилъ. На соборѣ лицомъ къ лицу встрѣтились защитники двухъ противоположныхъ мнѣній: Вассіанъ — ученикъ Нила Сорскаго и блюститель строго-духовнаго взгляда на обязанности духовенства, и митроп. Данилъ, ученикъ Іосифа Волоколамскаго и его обителъ — защитникъ монастырскихъ вотчинъ и мірскихъ стремленій своей братіи. Разчетъ между ними конечно могъ быть только трагическій. Но Вассіанъ выдержалъ съ честью свою роль.... Вотъ объясненіе ихъ публичнаго состязанія. *Митрополитъ*: Въ святыхъ писаніяхъ и божественныхъ правилахъ говорится, что въ нѣкоторыя времена, по недостатку учителей церкви, понуждали на церковное служеніе несвященныхъ мужей, во премудрыхъ и блаженныхъ, а не строптивыхъ и развращенныхъ. Ты же говоришь, учишь и пишешь строптивое и развращенное. *Вассіанъ*: Въ чемъ же заключается моя строптивость и развращеніе? *Митрополитъ*: Ты развратилъ по своему разуму святую и великую книгу правилъ свят. апостоловъ и отцевъ, на которую никто и не смѣлъ такъ дерзнуть или помыслить; а ты у себя написалъ, что въ святыхъ правилахъ есть противное Евангелію. Апостолу и житію святыхъ отцевъ, и въ разныхъ мѣстахъ своихъ правилъ ты написалъ блаженное..... чудотворцевъ называешь смутотворцами, потому что они у монастырей села имѣютъ и людей держатъ. *Вассіанъ*: Я писалъ о селахъ: въ Евангеліи писано — не велѣно монастырямъ села держать. — Тогда митрополитъ велѣлъ прочесть ему въ опроверженіе разные мѣста изъ священнаго писанія, церковныхъ правилъ и житій святыхъ, какъ-бы подтверждающія законность монастырскихъ вотчинъ; на что Вассіанъ отвѣчалъ: Тѣ держали села, а пристрастія къ нимъ не имѣли. *Митрополитъ*: Древніе святые отцы и чудотворцы села

имѣли у монастырей и пристрастія къ нимъ не имѣли, но какъ посвященное Богу соблюдали и сохраняли; также и теперь святые отцы и чудотворцы села у монастырей имѣютъ и сохраняютъ какъ посвященное Богу. Почему же ты считаешь нынѣшнихъ чудотворцевъ страстными? *Вассіанъ*: Да я того не знаю—чудотворцы-ли то были? *Митрополитъ*: Ты написалъ въ своихъ правилахъ: инокамъ должно жить по Евангелію — селѣ не держать и не владѣть ими; а если, говоришь, не хранятъ своего общаія, то святое писаніе муками грозитъ, огню вѣчному осуждаетъ, называетъ ихъ отступниками и проклятію предаетъ. Но ты обогатъ божественное писаніе и священныя правила, потому что они повелѣваютъ села монастырямъ держать и инокамъ отъ нихъ питаться....., а не такъ какъ ты теперь всѣхъ иноковъ называешь отступниками и написалъ на нихъ въ своихъ книгахъ и правилахъ, по своему безумію, многія строки хульныя и законопреступныя и проклятія достойныя. И поэтому ты еретически мудровалъ... Я, заключилъ *Вассіанъ*, писалъ это на воспоминаніе своей души, да и тѣхъ не похваляю, которые села держать.... (Преніе митроп. Давида съ старцемъ *Вассіаномъ*; Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № IX). Трудно было прать противъ рожна, потому что мнѣніе *Вассіана* и его сторонниковъ было только мнѣніемъ небольшого кружка; тогда какъ противъ нихъ стояла масса остальнаго духовенства, возводившая это мнѣніе уже въ ересь, въ явную обиду церкви, въ догматическое поруганіе, а противъ такихъ доводовъ могли идти развѣ только тѣ, которые видѣли въ своей борьбѣ не только столкновеніе съ извѣстнымъ правомъ, но самое страданіе за сознаваемую ими истину.... Партія *Іосифа Волоколамскаго*, партія мірскаго вліянія и значенія духовелства, продолжала господствовать въ официальной средѣ. Немного позже, ея покровителемъ является даже стороннее лицо—митроп. *Макарій*. На Стоглавомъ соборѣ, изъ девяти епископовъ, три были постриженниками *Іосифовскаго* монастыря (Срав. Стоглавъ гл. 1 и Челобитную еписк. *Леоніада*, Мѣтоп. Русск. Литер. *Тихомирова*, V: замѣтки для ист. Стоглава, 142—144), а когда на соборѣ 1554 г. *Рязанскій* еписк. *Кисьянъ* похулилъ *Просвѣтителю* *Іосифа Волоцкаго* и былъ лишень епископской каеадрѣ, то на его мѣсто назначили *Леоніада* — постриженника *Волоцкой* обители и горячаго приверженца *Іосифа* (Московск. соборы на еретиковъ XVI вѣка; Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № III, стр. 1, и Челобитная *Леоніада*, Мѣтоп. Русск. Литер. V). *Іоаннъ Грозный* протягивалъ руку и на

монастырскія вотчины, по духовенство не отступало даже передъ нимъ. На Стоглавомъ соборѣ представители духовенства, за прикосновеніе къ церковнымъ и монастырскимъ имуществамъ, угрожали страшнымъ прецѣніемъ не только простымъ людямъ, но и самимъ царямъ и князьямъ; они угрожали будущимъ судомъ, проклятіемъ и отлученіемъ »отъ первородныхъ святыхъ и праведныхъ богоносныхъ отцевъ« (Стоглавъ, гл. 60, 61, 63, 64). И митронъ Макарій въ особомъ »отвѣтѣ« Іоанну Грозному запрещалъ прикасаться къ церковнымъ имуществамъ, основываясь на запрещеніяхъ и проклятіяхъ св. отцовъ, на постановленіи Константина В., на примѣрахъ русскихъ князей и запрещеніяхъ своихъ предшественниковъ; наконецъ на ханскихъ ярлыкахъ. За тѣмъ, обращаясь къ Грозному, онъ говоритъ: »Тѣмъ болѣе слѣдуетъ тебѣ, благочестивый и богоугодный царь, показать къ Богу свою царскую вѣру и пооченіе о святыхъ церквахъ и монастыряхъ—и не только не отнимать у нихъ недвижимыхъ имѣній, но еще и самому тебѣ должно подавать имъ... Я не могу дерзнуть, или даже и помыслить о томъ, чтобы дать или продать что нибудь изъ недвижимыхъ вещей, положенныхъ Богу, пречистой Богородицѣ и великимъ чудотворцамъ въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ... и да не будетъ того до послѣдняго нашего издыханія. Всесильный Боже! избави и сохрани всѣхъ насъ отъ такого законпреступленія и непусти случиться тому не только при насъ, но и по насъ, до скончанія вѣка, ради молитвъ пречистыя твоея Матери, великихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ... А потому молимъ твое царское величество и много со слезами челомъ бьемъ, чтобы ты, царь и государь, великій князь Иванъ Васильевичъ, самодержецъ всея Россіи, по тѣмъ божественнымъ правиламъ, у пречистой Богородицы и у великихъ чудотворцевъ изъ дому тѣхъ недвижимыхъ вещей, принесенныхъ Богу въ наслѣдіе благъ вѣчныхъ, не велѣлъ брать«.... (Матерьялы для исторіи Стоглава, Лѣтоп. Русск. Литер. V. 129—136). Да, трудно идти противъ тѣхъ интересовъ, которые еще возводятся въ какое-то божественное право, и тѣмъ болѣе, если они большинствомъ признаются такими... Послѣ этого, чего долженъ былъ ожидать для себя Вассіанъ, рѣшившійся на противодѣйствіе этимъ интересамъ?

Немного позже, по другому дѣлу, дьякъ Иванъ Висконатовъ, чтобы избѣжать соборнаго осужденія, долженъ былъ слезно каяться, бить челомъ о помилованіи и вполнѣ отказаться отъ своихъ имѣній—и все-таки на него была наложена церковная епитимія, хотя елейныя мудро-

ванія Висковатова и не могутъ идти въ сравненіе съ мнѣніями Вассіана. Но Вассіанъ даже и не думалъ каяться и остался съ прежними убѣжденіями; такого поруганія конечно не могли бы никогда простить члены духовнаго собора, и прежде всего за униженіе своего авторитета,—и они не простили ему. Вассіанъ былъ приговоренъ къ ссылке. Онъ, какъ мы видѣли, былъ крайній противникъ іосифовскихъ монаховъ, которымъ даже завѣщено было не сообщаться съ его послѣдователями, и потому не могли придумать худшаго наказанія для Вассіана, какъ послать его на заточеніе въ Волоколамскій монастырь. А тамошніе монахи вскорѣ послѣ этого уморили его.... (Сказанія Курбскаго, стр. 5). За то исторія должна отдать Вассіану двоянѣе уваженіе, какъ честному дѣятелю, служившему до конца потерпѣть за свои убѣжденія даже въ такомъ заѣдающемъ обществѣ, какимъ было современное ему общество русское.....

Гораздо далѣе пошелъ въ своихъ требованіяхъ другой общественный дѣятель, выступившій на свое поприще нѣсколько позже. Это былъ Феодосій Косой, извѣстный у насъ подъ именемъ еретика Косаго. Мы не пишемъ исторіи ересей, и потому оставляемъ въ сторонѣ подробный разборъ его догматическихъ убѣжденій, а коснемся здѣсь только тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ состоянію общества.

Феодосій Косой, родомъ москвичъ, былъ прежде рабомъ у одного изъ близкихъ вельможъ царя; обокравъ своего господина, онъ бѣжалъ отъ него на Бѣлоозеро, гдѣ постригся въ монахи. Замѣчательно, что онъ является проповѣдникомъ «новаго» ученія въ томъ же притонѣ, гдѣ долгое время сосредоточивалось религіозное броженіе, пробивавшееся послѣдовательно въ различныхъ еретическихъ толкахъ. Его послѣдователи отдавали преимущество его ученію потому, что оно было «открыто» и для неученыхъ, тогда какъ отеческое ученіе для нихъ было непонятно, и еще потому, что онъ училъ по книгѣ и давалъ всѣмъ ее читать, тогда какъ епископы и попы учили наизусть. Его послѣдователи говорили, что такого ученія еще не бывало отъ созданія міра и никто не постигъ такъ истину, какъ Косой, потому что онъ имѣетъ «здравый умъ». Они свидѣтельствовали, что его ученіе сильно распространялось и встрѣтило большое сочувствіе (отъ многихъ пріемлемо и похваляемо) въ обществѣ; дѣйствительно, не смотря на крайнюю отри-

цательность, оно коснулось даже духовныхъ лицъ. Таѣ лица, пришедшія въ Зиновію Отенскому въ обитель потолковать о новомъ ученіи, были клирошане Спасова Хутынскаго монастыря: двое изъ нихъ уже были монахи, а третій—мірянинъ иконописецъ. Она же говорили, что даже прежній господинъ Косаго покровительствовалъ ему. Сущность ученія Косаго изложена въ сочиненіи Зиновія Отенскаго, ученика Максима Грека, подвергшагося ссылкѣ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ (см. Истину показаніе, въ Правосл. Собесѣд. 1863 и 1864 гг.). Вотъ краткѣ содержаніе еретическихъ мнѣній Косаго: онъ не признавалъ божественнаго происхожденія Христа, отрицалъ иконопочтаніе, церковную службу, построеніе храмовъ, безсмертіе души и необходимость искупленія, поклоненіе святымъ и составленіе имъ службъ, силу мощей, молитвъ и поста, и вообще внѣшніе обряды церкви. И все это онъ основывалъ на ловко подобранныхъ мѣстахъ священнаго писанія и отцовъ церкви. Съ другой стороны, онъ строго проводилъ идею единобожія и потому отдавалъ предпочтеніе Вѣтхому Завету. Онъ также совѣтовалъ читать сочиненія апостольскія, но заподозрѣвалъ посланіе Павла къ евреямъ, считая его произведеніемъ другаго Павла, какъ и западные протестанты скептически относились къ этому сочиненію. Къ отеческимъ же писаніямъ Косой относился съ недовѣріемъ и считалъ ихъ бесполезными для чтенія, потому что въ нихъ заключаются «человѣческія преданія».

Косой, какъ видно, принадлежалъ къ мыслившимъ книжникамъ. Уже одно то обстоятельство, чтобы рабу стать книжнымъ и разумнымъ—человѣкомъ, когда даже князья оказывались безграмотными, а духовные сановники «мало наученными»—говоритъ въ его пользу. Еще вѣроятно въ Москвѣ онъ терся въ кругу книжниковъ и познакомился съ разными писаніями, потому что и его коснулось то литературное движеніе, которое почти съ пачала XVI столѣтія сосредоточивалось тамъ и волновало московское общество. Въ этой же литературной борьбѣ, и при томъ въ произведеніяхъ лучшихъ ея представителей—Максима Грека и Вассіана—на жизнь и стремленія духовенства было наложено много темной тѣни, за что вносѣдствіи имъ обоямъ пришлось поплатиться горькими бѣдами. Но мнѣнія не стираются такъ скоро, какъ легко затираютъ ихъ представители сильныя міра сего, когда эти мнѣнія направлены противъ нихъ самихъ или, что чаще случается, противъ ихъ личныхъ интересовъ и выгодъ ихъ партій. Такъ

и было. Сочиненія Максима Грека и Вассіана расходились въ обществѣ и возбуждали толпы, которые само-собою вели къ различнымъ заключеніямъ. Если Максимъ обличалъ духовенство за его нравы, недостойные тѣхъ лицъ, которые брали на себя право учительства, и осуждалъ его за исключительную заботливость только о мірскихъ стяжаніяхъ; если Вассіанъ хотѣлъ дать своимъ требованіямъ даже божественную силу и, во имя одного изъ основныхъ положеній религіи, грозилъ проклятіемъ отступникамъ; то можно было ожидать, что, при возбужденномъ настроеніи общества, явится человѣкъ, который всѣ эти заявленія приведетъ къ конечному выводу. Такъ и поступилъ Феодосій Косой. Кипрошане, налагавшіе его ученіе Зиновію Отенскому, между прочимъ говорили: «*Максимъ Грекъ сильно принуждаетъ хранить заповѣдь нестяжанія и по этому поводу написалъ «Слово о покаяніи души».... а Косой, послѣдуя ему, говоритъ, что прельстились тѣ, которые называютъ преподобными Кирилла, Нила, Пафнутія и прочихъ, приобрѣтавшихъ села, потому что по Максиму они чужды священія»...* Провождая же это одухотвореніе религіи далѣе,—къ чему дѣйствительно стремился Косой,—онъ пришелъ къ отрицанію монастырей, какъ выражающихъ собою уже извѣстную религіозную форму, утвержденную человѣческимъ преданіемъ. «Монастыри, училъ онъ, —человѣческія преданія, и въ нихъ законы и уставы завіщаны обычаемъ по своей волѣ. Василій же говоритъ, чтобы отскочить отъ своихъ желаній и человѣческихъ обычаевъ и отъ соблюденія преданій.... Въ Евангеліи монастыри не положены и законы и уставы ихъ не написаны; отъ такихъ же волей и соблюденій человѣческихъ преданій Василій Великій (!) говоритъ отскочить» (Истинны показаніе, гл. 44; Прав. Соб. 1863 г.).

Съ другой стороны, точно также въ отрицательнымъ результатамъ приводилъ Косого нравы духовенства и обличенія его жизни, на которые не падали словъ Максимъ и Вассіанъ, сочиненія которыхъ конечно были извѣстны Косому¹⁾. Косой только дѣлалъ выводы изъ того, на чемъ они останавливались. Вотъ какъ обличалъ православное духовенство еретики: «Нѣтъ у насъ единомыслія, не соблюдается, какъ велитъ Василій, союзъ міра; не хранится вѣрность духа, но обрѣта-

1) Такъ кипрошане замѣчали Зиновію, что о монастырскихъ вѣтчаніяхъ очень хорошо писалъ князь Вассіанъ и что Максимъ Грекъ много говорилъ объ этомъ. См. «Истинны показаніе».

являясь въ этомъ случаѣ печальниками въ судьбѣ рабовъ и преступникѣ, касались только одной стороны вопроса. Они выставляли явнo, что положеніе дѣлъ гадко, что виною этому вообще владѣльцы,—все равно будь-ли то свѣтскій вельможа или духовный владыка; за тѣмъ далѣе они уже переходили къ нравственно-религіозному вопросу—слѣдуетъ-ли монастырямъ владѣть вотчинами и рѣшали его отрицательно, также строго придерживаясь нравственно-религіозныхъ воззрѣній. Сами же владѣльцы въ отношеніи къ рабамъ считали все дозволеннымъ, такъ что Домострой не нашелъ лучшаго увѣщанія противъ ихъ насилій, кромѣ того, что въ такомъ случаѣ имъ же угрожаютъ бѣдствія отъ домашнихъ слугъ (стр. 49). Всю жизнь тиранствуя надъ своими рабами, эти благочестивые господа часто думали загладить свои вѣны только тѣмъ, что передъ смертію, на поминѣ по душѣ, отпускали нѣкоторыхъ на волю. Такъ въ древней Руси человѣкъ легко мирился съ своими собственными злодѣяніями, благодаря одностороннему взгляду на жизнь.

Но одновременно съ тѣмъ, какъ литературные дѣятели XVI вѣка въ поразительномъ контрастѣ выставляли отношенія двухъ неравныхъ половинъ общества — властвующихъ и рабовъ — является и открытый протестъ противъ существованія самыхъ этихъ отношеній. Въ сочиненіяхъ обвинителей изображается зло, какъ результатъ извѣстныхъ отношеній; въ протестѣ уже указывается мѣра, посредствомъ которой необходимо его уничтожить. Проводникомъ этой мысли былъ нѣкто Матвій Семеновичъ Башкинъ.

Однажды въ великій постъ пришелъ онъ къ своему духовному отцу, благовѣщенскому попу Симеону, на исповѣдь, и сталъ говорить ему: «Ваше дѣло великое; въ законѣ написано: нѣтъ ничего больше той любви, какъ положить душу свою за други свои, и мы полагаемъ души свои за насъ и бдите о душахъ нашихъ, чтобы вамъ слово воздать въ день судный». Послѣ этого Башкинъ пріѣзжалъ еще къ Симеону на подворье, читалъ тамъ евангельскія бесѣды, и опять говорилъ ему: «Бога ради пользуй меня душевно; надобно, что въ бесѣдахъ твоихъ написано. читать, да на слово не надѣяться, а и дѣломъ совершать. Все начало отъ васъ; прежде вамъ, священникамъ, слѣдуетъ показывать начало, да и насъ научить; въ Евангеліи же написано: «Научитесь отъ мене, яко вротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, что бо мое благо и бремя мое легко есть». Ибо что нужнѣе человѣку, какъ быть смиреннымъ, вроткомъ и такимъ? а это все на насъ лежитъ: прежде всего слѣдуетъ

ются раздвоенія, ссоры, ревность; великая дерзость будет называться членами Христовыми, поставленными от Христа въ начальство. Просто надобно сказать—плотское мудрованіе царствуетъ у вашихъ игуменовъ, епископовъ, и у митрополита; нѣтъ духа кротости, оттого они и насъ гонятъ, запираютъ въ тюрьмы, не даютъ намъ узнать истины, а утверждаютъ свои преданія. Повелѣваютъ не ѣсть мяса и не жениться, возбраняютъ исполнять евангельскую заповѣдь, которая ясно говоритъ: »не входящая въ уста сквернить человѣка«, и заповѣдь апостольскую объ изжженныхъ совѣстью, возбраняющихъ жениться и удалиться брашенъ. По этому всему не слѣдуетъ слушать епископовъ, когда они учатъ преступать заповѣди, какъ и сами ихъ *преступаютъ*, а только прилежать пѣнію, да канонамъ, что въ Евангеліи не показано хранить и творить. Они отвергаютъ любовь христіанскую, именуютъ насъ еретиками, мучатъ насъ, а въ Евангеліи не велѣно мучить и еретиковъ, какъ указано въ притчѣ о сѣльныхъ плелевахъ; они же гонятъ насъ за истину. А дальнѣйшее развитіе этой мысли представляетъ уже отрицаніе самой церковной іерархіи.... »Косой учитъ, говорили кляроушники, повелѣвая людямъ, не называть себя на землѣ отца, но имѣть Бога Отца на небеси, кресты иконы сокрушать, святыхъ на помощь не призывать, въ церкви не ходить, книгъ церковныхъ учителей и житій святыхъ не читать, не молиться имъ и не каяться, не причащаться и не кадить; на погребеніи отъ поповъ и епископовъ не отпѣваться и по смерти не поминаться. Епископы и попы ложные учителя и идольскіе жрецы.... Богу же слѣдуетъ поклоняться духомъ, а не творить поклоны, не приносить просвиры, каноны и свѣчи« (Истор. моногр. Костомарова, I, 472 и 473; Истины показаніе, Прав. Соб. 1863, февраль).

Вотъ какое близкое отношеніе имѣли выводы отрицательной стороны съ обвиненіями положительной и съ фактами самой жизни. Но съ такимъ человекомъ, какъ этотъ Косой, уже нечего было долго думать. Его привезли въ Москву вмѣстѣ съ сообщниками въ ересь и посадили подъ стражу въ монастырь. Дѣло конечно разыгралось бы плохо, но Косой былъ не промахъ поддаться въ руки судей. Приласкавшись къ стражамъ, онъ успѣлъ заслужить у нихъ довѣріе и бѣжалъ вмѣстѣ съ своими товарищами въ Литву; тамъ онъ женился на вдовѣ-еврейкѣ и успѣшно распространялъ свое ученіе.... (Истины показаніе, и Сказанія Курбскаго: Письмо къ Чаплину, стр. 268).

Въ одно время съ Θεодосіємъ Косымъ, выступилъ на общественное поприще еще одинъ человѣкъ темнаго происхожденія, но оставившій по себѣ въ исторіи лучшую память, потому что, среди такого рабскаго общества, каковымъ было древне-русское, онъ первый определенно поднималъ голосъ въ защиту человѣческихъ правъ рабовъ. Древніе обличители, судившіе о дѣлѣ исключительно съ религіозной стороны, поднимали свой голосъ въ защиту ихъ только тогда, когда этимъ рабамъ приходилось страдать въ своемъ положеніи, но они не нападали на самое ихъ положеніе, подѣ-часъ оправдывая его даже священнымъ писаніемъ. Напр. когда Іосифъ Волоколамскій узналъ, что у одного вельможи рабы, вслѣдствіе его притѣсненій, «голодомъ таяли и наготой страдали», то онъ писалъ ему такъ: »Писаніе повѣствуетъ рабовъ какъ братію миловать, питать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать ихъ на всякія добрыя дѣла; если же рабы и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только нельзя имъ добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Такъ ты, господинъ, Бога ради побереги себя, потому что и малое небреженіе къ великимъ бѣдамъ приводитъ» (Соловьевъ, V, 306). Самій же взглядъ на положеніе раба въ обществѣ, какъ нельзя лучше, характеризуется разговоромъ Зиновія съ тѣми же клірошанами. Дѣянасть его слова имѣютъ болѣе значеніе, чѣмъ кого другаго, уже потому самому, что онъ для того времени и общества былъ образованнымъ человѣкомъ и при томъ еще былъ ученикомъ Маѣсима Грека. Узнавъ, что Θεодосій Косой былъ рабъ, Зиновій замѣчаетъ клірошанамъ, что по словамъ Соломона земля не можетъ снести, если вопарится рабъ, а по гражданскимъ законамъ греческихъ царей рабамъ не слѣдуетъ даже довѣрять ни въ чемъ или допускать ихъ свидѣтелями въ судѣ; поэтому, заключаетъ онъ, какъ же рабъ можетъ быть учителемъ, если его отвергаетъ писаніе и законъ? (Истинны показаніе, Прав. Соб. 1863, февраль: О рабѣ, 46—50). Тогда какъ, выражаясь словами г. Костомарова, »въ противоположность этому православному взгляду Зиновія на личность раба, клірошане, послѣдователи Косаго, заявляли взглядъ свободной мысли» (Историч. монографіи, I, стр. 462). Въ защиту правъ Косаго, имъ казался достаточнымъ тотъ доводъ, что онъ освободился уже своимъ »мужествомъ и разумомъ»; даже кражу вещей у господина они оправдывали тѣмъ, что Косой взялъ только то, что ему слѣдовало за работу у него. Маѣсимъ Грекъ и Вассіанъ,

вамъ творить и насъ учить». Да потомъ еще Башкинъ прилепалъ за Симеономъ человѣка и у себя въ домѣ сталъ ему говорить: «Въ Апостолѣ написано: «весь законъ заключается въ слѣдующемъ: возлюби искреннаго твоего какъ самъ себя; если же вы себя граваете и съѣдаете, то берегитесь, чтобы другъ отъ друга не были съѣдены», а мы христовыхъ рабовъ у себя держимъ. Христосъ всѣхъ братіею называетъ, а у насъ на нихъ кабалы: бѣглыя (т. е. держать бѣглыхъ рабовъ) или нарядныя (фальшивыя), а на нихъ и полныя; а я, благодарю Бога, сколько ни было у меня кабалъ и полныхъ, то я всѣ издралъ, да держу своихъ слугъ добровольно: корошо ему—онъ живетъ, а не хорошо—и онъ идетъ, куда хочетъ. А вамъ, отдамъ, причино посѣщать насъ почаще и во всемъ научать: какъ намъ самимъ жить и людей у себя держать не томительно; я видѣлъ такъ и въ правилахъ написано—и мнѣ то показалось хорошо».

Такимъ образомъ русскіе мыслящіе книжники, для своихъ отрицаній существующаго порядка вещей, черпали доводы изъ того же самаго писанія, на которое опирались и его охранители. Эти послѣдніе—существующее положеніе дѣлъ брали какъ нѣчто установившееся издавна по писанію, и потому карали своихъ противниковъ нарочно для этого подобранными изъ него мѣстами; отрицатели прежде всего брали самое писаніе и оставлялись на тѣхъ именно мѣстахъ, которые болѣе соотвѣтствовали ихъ взгляду,—и тогда уже не стѣснялись существующимъ порядкомъ, но или противъ него съ полнымъ убѣжденіемъ, что они идутъ во имя того же писанія. Такъ у Башкина, треть Апостола была измѣчена воскомъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ смыслѣ которыхъ онъ искалъ разрѣшенія, но скудный умомъ Симеонъ не могъ дать ему на нихъ надеждащаго отвѣта: «я того не знаю», сказалъ онъ. Тогда Башкинъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «Посоветуйся съ Сильвестромъ и онъ тебѣ скажетъ, а ты тѣмъ пользуй мою душу; мнѣ вѣдомо, что тебѣ некогда знать объ этомъ въ суетѣ мірской; день и ночь покая не знаешь». Трудно было попу-міроугоднику свести такой укоръ, но еще труднѣе было переварить самаго мудрованія Башкина. Они ему показались всѣ «недоумѣнными» и даже «развратными». Изъ тому же Башкинъ—мірянинъ осмѣлился не только разсуждать о такихъ вопросахъ, но еще и дерзнулъ изучать въ нихъ своего отца духовнаго. Тогда Симеонъ довелъ обо всемъ попу Сильвестру. «Пришелъ во мнѣ, говоритъ онъ, духовный смѣлъ необыченъ и величавъ

клятвами и молитвами упросилъ принять его на исповѣдъ въ великій постъ, и многіе вопросы простираетъ недоумѣнные; отъ меня поученія требуетъ, а яному и самъ меня учить. Но видно Башкинъ не молчалъ, потому что Сильвестръ замѣчалъ Симеону, что «слово про него недоброе носится». Изъ этого вообще видно, какъ враждебно тогдашніе учителя и общество относились къ совершенно мирнымъ и человѣколюбивымъ требованіямъ Башкина, потому что они были вскормлены на другихъ понатіяхъ. Духовенство переполошилось: «прозаве ересь, говорили духовные отцы, и явился шатаніе въ людяхъ». Слово же *ересь* было такимъ конькомъ, на которомъ можно было проѣзжать и самаго опытнаго всадника.

Во время этой тревоги Іоаннъ Грозный былъ въ Кирилловомъ монастырѣ; по возвращеніи его оттуда, Сильвестръ, Симеонъ и Андрей протопопъ донесли ему о всемъ случившемся. Говорили уже, что Башкинъ съ своими единомышленниками неправильно умствуетъ о существѣ Ісуса Христа, о таинствахъ, о церкви, и о всей православной вѣрѣ. Вопросы слишкомъ опасные! Тогда Іоаннъ сказалъ Симеону: «Вели Матюшѣ извѣстить тѣ слова въ Апостолѣ и подати мнѣ». Башкинъ передаетъ Симеону свой Апостолъ и самъ приметъ въ церковь. Духовные толковали царю, что мнѣнія Башкина—ересь. Однако царь оставилъ его тогда въ покоѣ и уѣхалъ въ Коломну. Изъ этого видно, что самъ онъ иначе смотрѣлъ на эти мнѣнія, а вѣдь Грозный былъ также опытный княжикъ. Послѣ этого, обиженные враги Башкина стали распускать о немъ самые неодобрительные слухи; донесли и митроп. Макарію. Тогда царь велѣлъ Башкина взять подъ стражу; съ нимъ еще были схвачены два брата Борисовыхъ. нѣкто Игнатій и Ѳома. На допросахъ они показывали, что они вовсе не еретики, а православные христіане; но ихъ все-таки засадили въ подкѣлѣ, при царскихъ палатахъ. Что же было причиною осужденія Башкина?

О своихъ догматическихъ убѣжденіяхъ онъ ясно заявилъ на исповѣди у попа Симеона: «христіанинъ есмь, говорить онъ, вѣрую въ Отца и Сына и Св. Духа, и поклоняюся образу Господа..... Ісуса Христа, и пречистой Богородицы, и всѣмъ святымъ, на иконѣ написаннымъ». Въ пользу его говорить и бывший Троицкій игуменъ Артемій, о жизни котораго съ похвалою отзывается Курбскій (Сказанія, 134). Когда только схватили Башкина и кирилловскій игуменъ Симеонъ сообщалъ объ этомъ Артемію, жившему тогда въ Кирилловскомъ мона-

стырь, то онъ на это замѣтилъ: «не знаю, что это за ереси; вотъ сожгли Курицына и Рузаваго, а до сихъ поръ не знаютъ сами, за что ихъ сожгли». А когда его призывали на соборъ, подъ предлогомъ сужденія о еретикахъ, то онъ открыто заявлялъ, что еретиковъ нѣтъ, и онъ не знаетъ, чтобы кто спорилъ о вѣрѣ. Этого мало, къ ереси присоединяли даже самаго Артемія, Теодорита—апостола лопарей—и старца Іоасафа Бѣлобаева, жизнь которыхъ, по свидѣтельству Курбскаго, была вполне безукоризненна (Сказанія, стр. 135). Самый приговоръ надъ Башкинымъ былъ составленъ заранее, до окончательнаго рѣшенія дѣла. Все это, а также основательныя объясненія г. Костомарова, сдѣланныя имъ въ разборѣ дѣла Башкина, гдѣ онъ заподозрѣваетъ правдивость лицъ, судившихъ его, приводятъ къ тому заключенію, что дѣлу Башкина былъ придавъ ненормальный оборотъ. Въ немъ опять сказалось, выражаясь словами г. Костомарова, что «духовные готовы были признать еретикомъ всякаго, кто дерзалъ только разсуждать о религіи и о нравственныхъ обязанностяхъ человѣка на религіозномъ основаніи» (Историч. моногр. I, 456). Такъ-то духовный авторитетъ подавлялъ всякое личное мнѣніе, выходившее за предѣлы отчужденнаго мудрованія. Передъ такими охранителями мысли не одобровать было даже и тому, кто рѣшался хоть нѣсколько осмыслить чисто-формальное пониманіе религіи. Напр. тотъ же Артемій обличалъ русскихъ фарисеевъ и книжниковъ такъ: «въ канонѣ читаютъ: Иисусъ сладчайшій, а какъ услышатъ слово Иисусово о его заповѣдяхъ, какъ Иисусъ повелѣлъ пребывать и какъ житіе вести, такъ горько дѣлается заповѣди Иисуса исполнять; и въ акаѣстѣ читаютъ: радуйся да радуйся чистая, а сами не радятъ о чистотѣ и пребываютъ въ празднословіи, стало быть только наружно обычаи исполняютъ, а не истинно». И такое мнѣніе отцы духовнаго собора назваши «развратнымъ и глумнымъ», потому что, говорили они всякому христіанину слѣдуетъ Иисусовъ канонъ и акаѣстъ Богородицы *держати честию*. Да и что можно было ожидать отъ такого собора, на которомъ изъ шести епископовъ, два положительно были не чисты по своей жизни. Одного изъ нихъ—архіепископа Ростовскаго Никандра—Курбскій называетъ пьяницею, другаго—епископа Суздальскаго Аванасія—пьяницею и сребролюбцемъ. А на что готовы были подобныя лица—лучшимъ доказательствомъ служить слѣдующій фактъ. Теодоритъ, будучи архимандритомъ Суздальскаго Евфиміевскаго монастыря, обличалъ Аванасія въ его порокахъ;

за это послѣдній на соборѣ извелъ на него ересь и способствовалъ его заточенію. Мало того, Феодорита еще заслали въ Кирилловъ монастырь, гдѣ Аванасій былъ прежде игуменомъ и гдѣ еще остались его ученики; теперь Феодориту пришлось терпѣть отъ нихъ поруганія и бѣзчестіе (Сказанія Курбскаго, 135—137). Если же такъ поступали съ лицами, которые касались только злоупотребленій, то что ожидало Башкина, задѣвавшего существенную сторону общественнаго порядка? Отрицая рабство, онъ повсѣннымъ образомъ нападалъ и на владѣніе монастырями вотчинъ; и укоръ за это ясно слышится въ обвиненіи, что онъ и его послѣдователи порицаютъ святыхъ отцовъ въ томъ, что они все для себя писали, *хочя владыкъ осамъ—и царскимъ и святы-телескимъ* (Арх. Экспед. I, 250). Самое существованіе рабства онъ называлъ нарушеніемъ основнаго правила религіи и, слѣдовательно, прямо билъ въ глаза ея представителямъ; наконецъ онъ брался судить о предметахъ, не подлежащихъ по тогдашнимъ понятіямъ его сужденію; онъ восхищалъ санъ учительства, онъ мудрствовалъ.... Отъ такого человека слѣдовало раздѣляться тѣмъ, въ чью область власти онъ вторгнулся; но для этого нужно было заподозрить его въ религіозной ереси, потому что, какъ видно, и самъ царь иначе смотрѣлъ на митейскія мудрованія и похѣты Матюши. Въ то время, какъ мы замѣчали, постоянно пробивались еретическіе толки, и современно дѣлу Башкина раскрылась ересь Косаго, а слѣдовательно въ обществѣ бродили разныя слухи объ этихъ толкахъ. Поэтому, вѣроятно, когда не удалось сразу уничтожить Башкина за его мнѣнія, то его противники ухватились за извѣстные имъ толки и извели ихъ на своего врага. Они знали хорошо, что самый судъ не представлялъ въ его пользу никакой гарантіи. Также поступили и нѣсколько прежде: чтобы безупречно порѣшиться съ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ, стояло только въ ихъ винамъ добавить нѣсколько пунктовъ «еретическаго свойства». Какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ домыслахъ не было недостатка, а ихъ показанія, какъ видно изъ судебныхъ списковъ, безусловно предпочитались оправданіямъ обвиненныхъ....

На соборѣ Башкинъ потерялъ присутствіе духа и разсудокъ, и, *«лихѣся языкъ»*, сталъ говорить «нечетное и нестройное»; все это могло случиться въ виду той опасности, которая грозилъ ему. Сторонники его совершенно перепутались и начали оговаривать другъ друга—тутъ уже улыбка казалась явною. Участь Башкина намъ не извѣстна;

но лицъ, причастныхъ къ его дѣлу, по словамъ Никоновской лѣтописи, разослази въ темницы, по монастырямъ Судя по этому, можно заключить, что и онъ получалъ приличное возмездіе; только съ этого времени его имя исчезаетъ изъ исторіи (О дѣлѣ Башкина см. московск. соборы на еретиковъ, Чтен. Моск. общ. ист. 1847, № III; Жалобницы попа Сильвестра и Симеона, Ав. Арх. Эксп. I, 250. Разборъ дѣла у Костомарова въ Историч. Монограф. I).

Такъ неудачно оканчивалась всякая попытка личнаго обсужденія общественныхъ вопросовъ, благодаря тому, что обществомъ направляли такіа лица, которыя облакали ихъ въ какую-то священную форму, и прикосновеніе къ нимъ считали нарушеніемъ своихъ священныхъ правъ даже и тогда, когда оно было только нарушеніемъ ихъ интересовъ, и при томъ во имя общественныхъ нуждъ....

Наконецъ, также подъ вліяніемъ дѣйствительности обнаружился протестъ и противъ сильно развившихся правъ свѣтской власти. Духовные дѣятели, направляя иногда свои обличенія и въ эту сторону, въ то же время были самыми строгими поборниками священнаго значенія этой власти; но, быть можетъ, ни одинъ изъ нихъ не окружалъ ее такимъ ореоломъ святости, какъ два передовые обличителя XVI вѣка—Максимъ Грекъ и Вассіанъ, въ то же время такъ сильно поборавшіе за судьбу низшаго класса. «Царь, говоритъ Максимъ, есть не что другое, какъ живой и видимый, или лучше одушевленный образъ самаго царя небеснаго»; а, обращаясь къ Іоанну Грозному, онъ такъ выражается: «ты же вмѣсто его царь и государь, и влаетитель, поставленный отъ него» (Прав. Соб. 1861, сентябрь, 350, октябрь, 379). Еще опредѣленнѣе выразилъ отношеніе подданныхъ къ власти Вассіанъ. «Молимъ васъ, пишетъ онъ, возлюбленные отцы и дорогая братія, позорьтесь благовѣрнымъ царямъ и великимъ князьямъ; князьямъ русскимъ радѣйте и во всемъ имъ примите и Бога молитесь за нихъ болѣе, нежели за самихъ себя... Добра своимъ государямъ во всемъ желайте; за нихъ слѣдуетъ и умирать и головы свои класть, какъ за православную вѣру; потому что Богомъ все предано свыше помазаннику паче и великому князю, Богомъ избранному; великимъ князьямъ

русскимъ всегда Богомъ дается власть надъ всѣми и за весь міръ царства ихъ» (Разсуд. Вассіана, Чтен. Моск. общ. ист. 1859 г. III, стр. 1). А Домострой, въ своихъ нравственныхъ наставленіяхъ, уже совѣтуетъ почитать царя, какъ Бога (Временникъ, № I, стр. 7).

Эта теорія власти, въ лицѣ Грознаго, нашла себѣ полное осуществленіе. «Начало нашего самодержавія. писать онъ Курбскому, отъ Св. Владиміра: мы родились на царствѣ, а не чужое похитили..... Это-ли совѣсть прокаженная, чтобы свое царство въ рукѣ держать, а подданнымъ своимъ владѣть не давать? Это-ли противно разуму—не хотѣть подчиняться подвластнымъ? Это-ли православіе пресвѣтлое—быть обладаему рабами? Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи.... Я съ усердіемъ забочусь людей на истину и на свѣтъ наставить, да познають единого истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя, а отъ междоусобныхъ браней и строптиваго житія да престануть, которыми царство растѣвается..... До сихъ поръ русскіе владѣтели не давали отчета никому, вольны были подвластныхъ своихъ жаловать и казнить и не судились съ явны ни передъ кѣмъ... Истина и свѣтъ для народа въ познаніи Бога и отъ Бога даннаго ему государя». На основаніи священнаго писанія угрожаетъ онъ тѣмъ, которые не подчиняются власти, говорить, что горе граду, которымъ владѣютъ многіе, и даже гибель Греціи приписываетъ тому, что ея цари подчинялись своимъ совѣтникамъ.... (Отвѣтъ Курбскому, 155—219).

Но еще при Василии Іоанновичѣ, люди, привыкшіе къ прежнему порядку, высказывали неудовольствіе за то, что онъ «запершися самъ третей у постели всякія дѣла дѣлаетъ» и не любитъ постороннихъ возраженій (Ав. Экспед. I, № 172). Въ лицѣ же Курбскаго уже высказывается открытый протестъ этому—новому порядку вещей. Его «Исторія Іоанна» въ сущности представляетъ развитіе только двухъ мыслей: 1) что всѣ гоненія, воздвигнутыя Іоанномъ на знатные роды, были систематическимъ слѣдствіемъ его стремленія къ единовластію, и 2) что всѣ неудачи, постигавшія правленіе Іоанна, были результатомъ его непослушанія «мужественныхъ страгиговъ и синклитовъ» (напр. стр. 38, 44, 47, 64). Здѣсь одно только дополняетъ другое. Последнюю мысль онъ подтверждаетъ цѣлымъ рядомъ мѣстъ изъ священнаго писанія, показывающихъ или одобреніе постороннихъ совѣтовъ, или

бѣдственныя послѣдствія пренебреженія ими. «Когда Давидъ, говоритъ онъ, совѣтовался съ своими вельможами, желая исчислить народъ израильскій, и всѣ вельможи совѣтовали не считать, а царь не послушалъ совѣтниковъ своихъ—какую бѣду навелъ Богъ за непослушаніе синкритскому совѣту? чуть весь израиль не погибъ!... Что принесли безумному Ровоаму гордость и совѣтъ юныхъ и презрѣніе совѣта старшихъ?» и т. д. Отсюда онъ дѣлаетъ такой выводъ: «Если царь и почтенъ царствомъ, но такъ какъ онъ не можетъ получить отъ Бога исѣхъ дарованій, то долженъ искать добраго и полезнаго совѣта не только у совѣтниковъ своихъ, но и у простыхъ людей; потому что даръ духа дается не по богатству вѣщному и по силѣ царства, но по правости душевной; не зрить Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную, и даетъ дары, сколько кто хочетъ вѣстить». И въ этомъ мѣстѣ онъ ставитъ въ примѣръ Грозному Іоанна III, который потому удачно совершилъ свои подвиги, что повиновался своимъ совѣтникамъ (44—46). Кромѣ того, въ перечисленія жертвъ Іоанновыхъ («Исторія Іоанна» гл V—VIII) и въ заграничныхъ посланіяхъ къ нему, Курбскій уже является обличителемъ самой тиранніи. Врочемъ его собственныя убѣжденія слишкомъ эгоистичны, потому что не ядуть даже сословныхъ интересовъ: это защитникъ боярщины и знати. Въ его словахъ такъ и слышится голосъ русскаго аристократа, оскорбленнаго тѣмъ, что царь «очень вѣритъ писарямъ», которыхъ притомъ «выбираетъ не изъ шляхетскаго рода, не изъ благородныхъ, а преимущественно изъ поповичей, или изъ простаго всенародства». Вотъ почему Грозный въ этомъ случаѣ стоитъ неизмѣримо выше своего соперника, даже и тогда, если онъ «дѣлать это изъ ненависти къ вельможамъ» (стр. 49). Даже въ перечисленіи жертвъ Іоанновыхъ, Курбскій придаетъ сильное значеніе словамъ «князата, княжескіе, боярскіе и дворянскіе роды». И опять поэтому въ нашихъ глазахъ онъ стоитъ гораздо ниже предъидущихъ дѣятелей, сумѣвшихъ совершенно отдѣлаться отъ сословныхъ и личныхъ интересовъ на пользу общественнымъ нуждамъ. Еще вопросъ въ томъ, какъ посмотрѣлъ бы на дѣлю Курбскій, еслибы не имѣлъ онъ столкновенія съ Іоанномъ, которое заставило его удалиться изъ Россіи и выступить на литературное поприще; тѣ же общественные дѣятели шли на встрѣчу опасности только съ своими мнѣніями, не огражденные никакими благопріятными условіями для выраженія ихъ,—и они пали..... Нагъ и Курбскій, потому что

и онъ могъ говорить такъ только за границу, въ изгнаніи, такъ какъ власть уже не въ состояніи была выслушивать возраженій лицъ, которыя виѣщивались въ ея права. Разница въ ихъ паденіи только та, что одни, встрѣтившись съ направленіемъ сильнѣйшимъ, должны были сдѣлаться его жертвою, а онъ, чтобы отомстить за свое оскорбленіе и покарать врага, долженъ былъ бѣжать отъ него. Но общественное зло, причиненное Грознымъ, послужило Курбскому только оружіемъ для нападенія, а не причиною для борьбы во имя общественныхъ нуждъ. Эта разница въ положеніи и есть мѣрило для оцѣнки силы реакціи только-что указанныхъ нами общественныхъ дѣателей. Курбскій задѣлывалъ политическую сторону общественной жизни — отношеніе къ власти, но онъ рѣшалъ этотъ вопросъ только въ сословныхъ интересахъ, и потому его реакція была наиболѣе одностороннею сравнительно съ заявленіями остальныхъ общественныхъ дѣателей... Какъ бы то ни было, но всѣ они пали въ этой борьбѣ.

Одинъ русскій княжичъ XVI вѣка хорошо понялъ это столкновение противоположныхъ мнѣній въ общественной жизни и необходимыя послѣдствія его. Пораженный такимъ печальнымъ исходомъ дѣла, онъ замѣтилъ въ назиданіе: «всѣмъ бѣдамъ мати мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе» (Прибав. къ Твор. св. отц. годъ IX, кн. 3: Объ отнош. Іосиф. и Кирил. монаст.). Оно-то и погубило лицъ, рѣшавшихся, во имя сознанной необходимости, выступать на борьбу съ предрассудками, сословными интересами и грубымъ безправіемъ. Подъ мнѣніемъ же въ древней Руси разумѣли гордость ума—грѣхъ, произведшій дьявола и влекущій къ ереси. Мнѣніе нарушало спокойствіе отчепрежденнаго житія—и потому считалось влекущимъ къ гибели: оно-то производило людей, любившихъ иностранное платье, бритье бороды, подражавшихъ иностраннымъ обычаямъ, а все это, по понятіямъ тогдашнихъ стародуровъ, было ересью, и потому преслѣдовалось. Какъ же, послѣ этого, слѣдовало поступить съ тѣми, которые смѣли мыслить, не имѣя на то права?—ихъ слѣдовало уничтожить и ихъ уничтожали.....

Но что же дѣлали тѣ люди, на которыхъ лежала прямая обязанность заботиться о тѣхъ общественныхъ интересахъ, за которые съ такою энергіею ратовали лица, по тогдашнимъ понятіямъ, не призванные къ этому, восхищавшія санъ учительства? Въ рассматриваемую нами эпоху, на Руси существовало особое учрежденіе, вѣдѣнію котораго подлежали всѣ тѣ вопросы, которые были задѣты и обществен-

ными дѣтелями и обличителями. Мы говоримъ о земскихъ соборахъ. Есть люди, которые приписываютъ имъ слишкомъ обширное значеніе, и въ этихъ чисто-формальныхъ собраніяхъ чуть-ли не видятъ англійскихъ парламентовъ. Но это грубая ошибка поклонниковъ старины, которые хотѣли бы, въ узоръ западу, на своей почвѣ соединить лучшія формы обществѣ съ первобытною невинностью; въ сожалѣнію, ни того, ни другого тогда не существовало. Посмотримъ на дѣятельность представителей русской земли.

Вотъ образчикъ ея пресловутыхъ земскихъ собраній. — Царь, говоритъ Флетчеръ, вѣлитъ созвать тѣхъ дворянъ, которые ему нравятся, и выбирать въ совѣтъ исключительно ихъ. Въ то же время онъ призываетъ патріарха, который приводитъ съ собою и клиръ (митрополитовъ, архіепископовъ и тѣхъ изъ епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, которые пользуются большимъ уваженіемъ и значеніемъ). Когда всѣ соберутся во дворцѣ — имъ назначаютъ день для открытія засѣданія. Это бываетъ обыкновенно въ пятницу, по причинѣ религіознаго значенія этого дня. Съ наступленіемъ означеннаго дня, клиръ собирается въ опредѣленный часъ и въ назначенномъ мѣстѣ. Когда придетъ царь, сопровождаемый дворянствомъ, всѣ поднимаются и идутъ на встрѣчу ему въ переднюю комнату, явля въ главѣ патріарха, который благословляетъ царя.... Потомъ они проходятъ въ залу засѣданій, гдѣ размѣщаются въ слѣдующемъ порядкѣ: царь садится на тронѣ съ одной стороны залы, подлѣ и неподалеку отъ него за четырехугольнымъ столомъ садится патріархъ съ митрополитами, епископами, нѣкоторыми представителями дворянскихъ фамилій царскаго совѣта и двумя секретарями, которые называются думными дьяками и назначаются для веденія дѣлъ. Всѣ остальные располагаются вокругъ на скамьяхъ, каждый по своему сану. Тогда одинъ изъ секретарей, который исполняетъ обязанность предсѣдателя, излагаетъ причину собранія и главные предметы, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать. Что касается предложенія законовъ со стороны членовъ собранія, какъ это дѣлается въ Англіи, то русская дума не имѣетъ такого обыкновенія, потому что этого права не признаютъ за подданными. Граждане и другіе представители народа не допускаются въ собраніе, потому что народъ въ Россіи признается только достойнымъ рабства и долженъ повиноваться, вмѣсто того, чтобы участвовать въ законодательствѣ или освѣдомиться въ общественныхъ дѣлахъ, прежде чѣмъ они будутъ рѣшены.

«Патріархъ и клиръ пользуются тою привилегією, что, послѣ предложенія вопросовъ, къ нимъ первымъ обращаются за подачею голоса насчетъ представленныхъ мѣръ. Каждый изъ нихъ отвѣчаетъ по порядку, смотря по своему сану, но всѣ одинаковымъ образомъ, какъ тѣ, которые заучили свой урокъ прежде, и повторяютъ одно и то же въ каждое собраніе, чтобы имъ ни предложили. Они обыкновенно говорятъ такъ: «Императоръ и его дума полны премудрости и опытности, какъ въ политикѣ такъ и въ дѣлахъ общественныхъ, и гораздо способнѣе судить о томъ, что полезно для государства, чѣмъ они, люди, занимающіеся только служеніемъ Богу и предметами религіи; а потому они предоставляютъ царю и его совѣту рѣшить дѣло. Въмѣсто же подачи своего мнѣнія—они будутъ содѣйствовать своими молитвами, какъ это повелѣваютъ имъ ихъ обязанности и ихъ званіе» и т. д. И такъ говорили тѣ люди, которые, при всякомъ вмѣшательствѣ въ ихъ интересы, находили и средства и способъ не уступать и паче въ своихъ требованіяхъ.... Но послушаемъ даѣе. «Когда каждый по очереди сдѣлаетъ подобный отвѣтъ, продолжаетъ Флетчеръ, тогда подымается какой нибудь архимандритъ или монахъ, болѣе смѣлый, чѣмъ другіе,—хотя эта рѣшимость вещь условная и простая форма,—онъ проситъ царя, чтобы онъ изволилъ скорѣе приказывать для того, чтобы они узнали каково мнѣніе и добрая воля его величества о предметахъ, предложенныхъ его дьякомъ. На это секретарь отвѣчаетъ отъ имени царя: «Его величество и благородные члены его совѣта *по здравому и серьезному разсмотрѣнію* нашли, что предложенныя мѣры очень благотѣльны и необходимы для блага государства. Но такъ какъ люди, посвятившіе себя религіи лучше знаютъ, что справедливо, то его величество проситъ ихъ одобренія и даже ихъ сужденія, чтобы одобрить или исправить означенныя предложенія. Поэтому онъ снова имъ приказываетъ свободно высказать свой взглядъ, и *если они одобряютъ, то онъ велитъ, чтобы ихъ приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе*».

Кому много дается—отъ того много и потребуется. И такъ, на сколько понимали свое положеніе представители земли? А вотъ на сколько: «Два высшіе класса, говоритъ Флетчеръ, духовенство и дворянство, имѣющіе голосъ въ думѣ, устрояютъ дѣло такъ, чтобы отдѣлаться отъ всѣхъ тягостей и взымать ихъ на спину простаго народа. Между тѣмъ здѣсь—то кажется и было лучшее мѣсто дѣятельности для тѣхъ горячихъ обличителей, которые съ такимъ рвеніемъ порицали

человѣческіе пороки. Вѣдь могли же они отстаивать свои имуществъ, а когда нужно было поддержать Годунова, то патріархъ Іовъ на соборѣ 1598 года осмѣлился и въ состояніи былъ своимъ авторитетомъ подавить голоса 473 человѣкъ. Такъ иногда измѣняются роли—и это ясный примѣръ того, какъ еще далеко отъ слова къ дѣлу, отъ обличенія къ исполненію. Можно учить добродѣтели и голоднаго, но не всякій согласится прежде самъ пройти его школу. Мало того, свѣтская власть, въ своихъ произвольныхъ требованіяхъ съ обѣднѣваемаго и разореннаго народа, даже опиралась на содѣйствіе этихъ представителей земскихъ интересовъ. «Соборъ, замѣчаетъ Флетчеръ, составляется, кромѣ совѣтниковъ царя, изъ небольшого числа епископовъ, архимандритовъ и монаховъ, собранныхъ на тотъ конецъ, чтобы извлечь побольше изъ народнаго суетія, вопреки собственнымъ же выгодамъ народа, который находитъ священною и справедливою всякую мѣру, какова бы она ни была, благодаря вліанію епископовъ и клира» (Fletcher, I, гл. VIII, и стр. 65 и 135).

Изображеніе такого рабскаго отношенія къ власти членовъ думы нисколько не преувеличено Флетчеромъ. Маржеретъ выражается еще опредѣленнѣе. «Число членовъ государственной думы, говоритъ онъ, закономъ не ограничено: царь назначаетъ въ нее кого ему угодно. Въ случаѣ дѣлъ важныхъ, собирается тайный совѣтъ, обыкновенно изъ ближнихъ царскихъ родственниковъ. Для формы спрашиваютъ мнѣнія духовенства и приглашаютъ въ думу патріарха съ нѣкоторыми епископами; но въ самомъ дѣлѣ нѣтъ другаго закона или совѣта, кромѣ безпредѣльной воли государя. Онъ имѣетъ власть поражать всякаго огнемъ и мечомъ, невиннаго и виновнаго» (Записки Маржерета, стр. 265). Да и какою защиты земскихъ интересовъ можно было ожидать отъ такихъ членовъ соборовъ, которые даже боялись войти во дворецъ царя «со страхомъ Бога видѣти» (Дневникъ Маскѣвича, стр. 57). Такимъ образомъ рабская покорность не нарушала обычнаго теченія дѣлъ; а сословный эгоизмъ заставлялъ заботиться только о томъ, чтобы свое было цѣло. Отдужался за все одинъ народъ. Кромѣ того, что могли придумать въ общественныхъ дѣлахъ такіе круглые невѣжи, каковы были члены боярскихъ родовъ, засѣдавшіе въ думѣ. «А иные бояре, говоритъ Котошихинъ, брады свои уставля, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь *многихъ* жалуетъ въ бояре не по разуму ихъ, но по великой породѣ, и *многие* изъ нихъ грамотѣ не учены и не студеро-

ванны» (О Россіи, стр. 26). Неудивительно послѣ этого, если первый Самозванецъ сѣлся надъ своими сенаторами за то, что они долго ломали свои головы надъ такими дѣлами, которыя онъ разрѣшалъ въ минуту (Беръ, стр. 49). Общественные дѣатели этого рода, т. е. члены государственной думы, представители земли, и не считали нужнымъ прислушиваться къ заявленіямъ общественныхъ потребностей, на которыя брались указывать нѣкоторые лица, потому что ихъ интересы не совпадали съ интересами народа. Эта-то ровнь и привела древнюю Русь къ эконоическому банкротству....

«По окончаніи засѣданія, заключаетъ Флетчеръ, царь приглашаетъ членовъ кнѣра на великолѣпный обѣдъ». Значить и въ то время выгодныя общественныя сдѣлки заѣдались и зашивались; и участвующіе конечно же задавали себѣ вопроса въ томъ, во имя кого или чего они торжествовали... А на завтра, быть можетъ, новый налогъ грохнулъ лечь на спину безучастнаго народа.

На Руси все шло по дѣдовскому обычаю, но общественное зло было уже слишкомъ рѣзко, чтобы еще гѣпиться имъ. Постоянно повторявшіся нравственныя обличенія свидѣлствуютъ о томъ, что это зло видѣли; съ другой стороны эти же частыя повторенія говорили о томъ, что они сами по себѣ ничтожны, что отъ слова въ дѣлу—не шагъ ступить. Въ связи съ такимъ положеніемъ дѣлъ, мы считаемъ необходимымъ снова указать на одну важную мысль Максима Грека, которая имѣетъ непосредственное отношеніе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя были предложены другими общественными дѣателями, такъ какъ и она касается состоянія общества. Онъ совѣтовалъ лицамъ, «хвалившимся своимъ благородіемъ и богатствомъ», позаботиться о «словесномъ ученіи», полагая что подъ влияніемъ его они не только оставятъ свои пороки, излишнюю роскошь, страсть къ незаконнымъ прибуткамъ, но даже и другихъ «понуждать» подражать себѣ въ нравственной жизни (Прав. Соб. 1862, октябрь, 180). Повторяемъ: въ этихъ словахъ замѣчательно то, что въ наукѣ Максимъ Грекъ видѣлъ средство, которое должно было уничтожить въ русскомъ обществѣ пустоту и безсодержательность жизни, и которое должно было измѣнить и самый взглядъ на суще-

ствовавшія отношенія» (Максимъ Грекъ, вып. II, гл. X). Кромѣ того, онъ совѣтовалъ Василию Іоанновичу привлекать въ Россію иностранцевъ, которые могли бы приносить пользу государству (Прав. Соб. 1861, мартъ, 157). Конечно, желанія Максима, какъ и требованія другихъ общественныхъ дѣятелей, которые именно понимали общественныя нужды, остались только желаніями.

Но если заявленія этихъ дѣятелей потерпѣли неудачу потому, что встрѣтили противодѣйствіе въ сильнѣйшемъ направленіи, которое направляло ходомъ общественныхъ дѣлъ, то спрашивается: осуществима ли, по крайней мѣрѣ, была мысль Максима, и притомъ въ такой формѣ, какъ онъ ее высказалъ? Нѣтъ, она была неосуществима по той же самой причинѣ. «Епископы, лишенные всякаго образованія, говорятъ Флетчеръ, слѣдять съ особенною заботою, чтобы образованіе не распространялось, боясь, чтобы ихъ невѣжество и ихъ нечестіе не были наружены. Съ этою цѣлью они увѣряютъ цари, что всякое новое знаніе, введенное въ государство, возбудитъ стремленіе въ новизнамъ и будетъ для него опасно... Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ царствованіе Ивана IV, одинъ образованный человѣкъ принесъ изъ Польши въ Москву печатную машинку и шрифтъ; къ большому удовольствію цари и на его счетъ была заведена типографія (1553). Но въ одну ночь домъ былъ сожженъ и машинка и литеры сгорѣли. *Думаютъ*, прибавляетъ Флетчеръ, что это произошло по наущенію духовенства» (Fletcher, II, 90). А каковы были тогдашніе умственные руководители или учителя Руса, объ этомъ свидѣтельствуетъ Курбскій. «Я самъ отъ нихъ слыжалъ, говоритъ онъ, будучи еще въ русской землѣ, подъ державою Московскаго цари: прельщаютъ они юношей трудолюбивыхъ, желающихъ научиться писанію, и говорятъ имъ: не читайте книгъ многихъ и указываютъ: вотъ этотъ отъ книгъ умъ потерялъ, а вотъ этотъ въ ересь впалъ» (Опис. рукоп. Рум. муз. 557). Вспомнимъ какое противодѣйствіе оказало духовенство, когда Борисъ Годуновъ вздумалъ вызвать изъ разныхъ странъ Европы просвѣщенныхъ иностранцевъ, а для изученія иностраннхъ языковъ хотѣлъ открыть особыя школы (Беръ, стр. 18).

Что же касается народа, замѣчаетъ Флетчеръ, то хотя онъ, кажется, довольно способенъ въ усвоенію всѣхъ наукъ, какъ объ этомъ можно судить по природному уму русскихъ и даже ихъ дѣтей, однако

онъ не отячается ни въ какомъ ремеслѣ и еще болѣе какими-либо познаніями, отъ которыхъ его удаляютъ даже съ умысломъ.... Русскіе могли бы заимствовать это у поляковъ и у другихъ сосѣдей, но они, по своей грубости, избѣгаютъ ихъ, считая свои нравы лучшими (Fletcher, I, 140, II, 174). Блюстители народа зорко охраняли его національную чистоту, какъ-бы соединяя съ нею и свое значеніе, а правительство слѣдовало ихъ внушеніямъ. Цари, говоритъ Флетчеръ, сопротивляются всему тому, что можетъ образоватъ народъ, и заботливо слѣдить, чтобы удалить всякій иностранный элементъ, который могъ бы измѣнить національные нравы. Съ этою цѣлью были запрещены тогда путешествія, изъ боязни, чтобы русскіе подданные не научились чемунибудь и не видѣли нравовъ другихъ народовъ. Только нужды торговли по временамъ нарушали эту замкнутость. Но въ 1589 г. былъ поданъ проектъ, по которому всѣхъ иностранныхъ купцовъ слѣдовало выслать въ пограничные города, а на будущее время затруднить имъ доступъ внутрь страны. Это было сдѣлано изъ боязни вліянія ихъ нравовъ (Fletcher, II, 175, I, 141). А въ XVII вѣкѣ Котошихинъ замѣчаетъ, что московскіе люди потому порочны и грубы, что «для науки и нравовъ въ нѣныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, боясь чтобы они, узнавъ ихъ вѣру и обычаи, не пачали бы свою вѣру отмѣнять и прѣставать къ другимъ». Такъ все болѣе обводили Русь китайскою стѣною; ея представители какъ-будто желали скрыть отъ чужихъ глазъ домашній произволъ и пороки, убаюкивая себя и другихъ какимъ-то священнымъ долгомъ. И долго все шло на Руси по разъ протертой дорожкѣ, на которой падали всѣ, кто только осмѣливался идти противъ общаго теченія; потому что ихъ считали непризванными къ руководительству обществомъ и карали, какъ похитителей чужой собственности. Но сами эти каратели не улучшили положенія его. Пали Максимъ, Вассианъ. Башкины... ихъ общаго голоса не послушали, и народъ по прежнему бѣдствовалъ. Тотъ же Флетчеръ, глубоко изучившій русскій бытъ и состояние русскаго общества XVI вѣка, по поводу бѣдственнаго положенія страны, замѣчаетъ: «это безнадежное состояніе Россіи привело къ тому, что народъ вообще желаетъ вторженія иностранцевъ» (Fletcher, I, 103). Печальное заключеніе! но весьма естественное послѣ всего того, что мы сказали въ III-й главѣ. И чѣмъ сильнѣе давили общество, тѣмъ болѣе скоплялось въ немъ такихъ элементовъ, которые, прорвавшись, могли унести въ своемъ теченіи все настоящее, что бы ни попа-

лось, и стереть его безъ слѣда. Бросимъ еще взглядъ назадъ, на положеніе русскаго общества въ разсматриваемую нами эпоху — и мы увидимъ, что въ немъ созрѣли уже именно тѣ элементы, которые такъ грозно разразились въ наступавшемъ смутномъ времени. Общество ждало только толчка, оно ждало даже иноземцевъ, и уже не какъ враговъ, но какъ спасителей; оно готовило расчётъ своимъ тиранамъ: первый Самозванецъ приближался....

Владимир Степанович Иконников

**Русские
общественные деятели
XVI века**

Репринтное издание

16+

Руководитель проекта *Н. Соломадина*

Корректор *М. Глаголева*

Верстальщик *Е. Семенова*

Сдано в набор 03.06.2014

Подписано к печати 02.06.2014

Формат 60х90/16

Печ. л. 5,5

Тираж 500

Заказ 14-6-03

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д. 16